This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3 3433 07038363 7

*QE
Chistyakov

Printed in Soviet Union

Christyakov
7711

КАРТИНЫ

ИЗЪ

ИСТОРІИ ДѢТСТВА

ЗНАМЕНИТЫХЪ ЖИВОПИСЦЕВЪ.

Переводъ съ Французскаго.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ М. ЧИСТЯКОВА.

Съ 6-ю картинками.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1846.

19

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
776004 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.Петербургъ, 22-го ноября 1845 года.

Цензоръ *А. Мехелинъ.*

ВЪ ПРИВИЛЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ ФИШЕРА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Микель-Анджело Буонаротти 1

Корреджіо 45

Давидъ Теніеръ 95

Бартелеми Эстебанъ Мурилло 109

Себастіанъ Гомесъ 146

Антоній Ватто 178

Bolsn. 18 Jan. 1935

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО.

„Что за чудеса!„ воскликнулъ кардиналъ.

родица! Простите мнѣ вынужденную ложь!

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО БУОНАРОТТИ.

I.

Однажды, утромъ, въ январѣ 1488 года, передъ воротами замка Капрезе, недалеко отъ Ареццо, стоялъ молодой человѣкъ, лѣтъ пятнадцати; у него подъ мышкою былъ зеленый картонъ. Онъ постучался въ ворота; вышелъ старикъ въ желтой ливреѣ съ голубыми лампасами.

«Моего молодаго барина, синьора Микель-Анджело Буонаротти, нѣтъ дома,» сказалъ слуга.

— Неужели онъ ушелъ безъ меня?.. вскричалъ молодой человѣкъ.

«Ушелъ, синьоръ Францискъ Граціани»... подтвердилъ старикъ, отвернулся и прошепталъ: «Боже милосердый! Пресвятая Богородица! Простите мнѣ вынужденную ложь!»

— Такъ видно онъ уже тамъ! въ полголоса сказалъ Граціани.

«Гдѣ—тамъ?...» спросилъ старый Урбино.

— Не твое дѣло, — отвѣчалъ Граціани и прибавилъ въ раздумьи... однакожъ быть не можетъ... онъ, вѣрно, дожидается меня!... Пусти меня, Урбино!...

«Ужъ я вамъ сказалъ: его нѣтъ дома!...» повторилъ старикъ, не трогаясь съ мѣста.

— Пусти меня! Я самъ посмотрю! Микель-Анджело, вѣрно, оставилъ мнѣ записочку, когда ушелъ.

«Да, да, онъ сказалъ... чтобы вы пришли... дай Богъ память!... туда... вы знаете... къ тому синьору...» проговорилъ старикъ, потирая себѣ лобъ.

— Хорошо! отвѣчалъ Граціани.

«Пожалуйста, припомните мнѣ имя его; я совершенно забылъ. Я увижу, то-ли мнѣ сказалъ молодой баринъ.»

— Не нужно! Ему некуда больше идти.

«Синьоръ Граціани! Къ тому синьору, который живетъ...»

— Знаю, знаю! отвѣчалъ Граціани.

«Да и мнѣ хотѣлось бы знать!» пробормоталъ Урбино.

— Начто?..

«Такъ! Просто изъ любопытства,» сказалъ Урбино съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Любопытство — смертный грѣхъ! отвѣчалъ молодой человѣкъ, грозясь пальцемъ.

«Я сказалъ-бы и барину; онъ такъ безпокоится о своемъ сынѣ!» прибавилъ Урбино.

— Такъ для того только? весело спросилъ Граціани.

«Да, синьоръ!»

— Послушай, Урбино! Если твой баринъ спроситъ, куда ходитъ сынъ его, ты можешь сказать...

«Ну, синьоръ Граціани...»

— Ты можешь сказать, что не знаешь, куда, и не солжешь; смѣясь, прибавилъ молодой человѣкъ.

«Ахъ, Боже мой!» сказалъ Урбино, не теряя надежды что нибудь выпытать. «Вы, вѣрно, ничего дурнаго тамъ не дѣлаете?»

— Нѣтъ!... Не всегда!... Однакожъ случается!...

«Неужели?...» спросилъ Урбино.

— Что-жъ дѣлать, другъ мой! Человѣкъ слабъ, особенно въ молодости и въ дѣтствѣ... Послушай, я тебѣ признаюсь!

... Тутъ Граціани понизилъ голосъ и почти прошепталъ: намъ часто случалось... тамъ... ты знаешь... у того синьора... ломать головы, руки и ноги. —

«Что? ломать!» вскричалъ Урбино, поблѣднѣвъ, какъ полотно.

— Съ разу не сдѣлаешься искуснымъ! продолжалъ Граціани, не обращая вниманія на испугъ старика. Къ тому же я очень нетерпѣливъ... чуть, чуть не по мнѣ что нибудь... хвать—и голова, рука или нога разлетится въ дребезги... —

«Да вы принадлежите къ шайкѣ разбойниковъ!...» крестясь вскричалъ старый Урбино. «Неужели молодой баринъ съ вами за одно?«

— Микель-Анджело еще втрое горячѣе меня; онъ такъ и крушитъ!

«И послѣ этого, вы думаете, я отпущу его съ вами?...» съ ужасомъ сказалъ старикъ... «Пора открыть глаза семейству Буонаротти!...

Вы развращаете ихъ сына!... Прощайте синьоръ Граціани... молодаго барина нѣтъ дома и сегодня врядъ ли онъ вернется.»

Молодой Граціани ушелъ; запирая ворота, старикъ ворчалъ про себя: «Ужъ я не дамъ вамъ увидѣться! Вишь, какой разбойникъ!... Еще хвастается!... Убирайся подальше!... Боже мой, какой ужасъ!... Въ какое общество попалъ молодой баринъ!... Слава Богу, что я отпиралъ ворота; мнѣ удалось, по крайней мѣрѣ, кое-что выпытать!... Все открою отцу!... На сегодня я избавилъ молодаго барина отъ этого злодѣя, Граціани... а цѣлый день — не шутка. Много можно будетъ поправить...»

II.

Продолжая бормотать, Урбино медленно поднялся по большой, каменной лѣстницѣ замка Капрезе, повернулъ влѣво и пошелъ по длинной галереѣ, съ особенною осторожностію

поднялъ занавѣсъ, закрывавшій входъ въ библіотеку, посмотрѣлъ туда и сказалъ про себя: «Ну, слава Богу! Онъ не ушелъ... видно, мои вчерашнія увѣщанія подѣйствовали... Дѣтьми легко управлять, особенно, если они выросли на нашихъ рукахъ!...» Съ послѣдними словами старикъ подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, и чертилъ что-то на огромномъ листѣ бумаги. Нѣсколько мгновеній слуга простоялъ молча, наконецъ кашлянулъ; тогда только мальчикъ замѣтилъ его и, поднявъ голову, сказалъ: «А! Это ты, Урбино! пришелъ Граціани?»

Старикъ не зналъ, что сказать; онъ не привыкъ лгать; однакожъ собрался съ духомъ и отвѣчалъ: «Нѣтъ, не приходилъ.» Потомъ отвернулся и прошепталъ: «Боже милосердый! Пресвятая Богородица! Простите мнѣ вторичную ложь!»

— Странно! сказалъ Микель-Анджело и опять принялся за свою работу.

Урбино взялъ пукъ перьевъ, будто хотѣлъ обметать пыль; но не принимался за дѣло,

стоялъ передъ молодымъ бариномъ своимъ и опять заговорилъ съ нимъ: «Позвольте сказать вамъ: вы должны радоваться, когда молодой Граціани не приходитъ: прилично-ли сыну вельможи водиться съ человѣкомъ безъ имени?...»

— Какъ безъ имени? О немъ скоро вездѣ заговорятъ! Онъ прославится! —

«Чѣмъ сударь?... спросилъ Урбино съ презрѣніемъ.

— Живописью!

«Развѣ скорѣе разбоемъ,» перебилъ Урбино. Дайте ему подрости и вы увидите, что изъ него будетъ!... Послушайтесь меня, стараго слуги своего, прибавилъ онъ со слезами; я няньчилъ васъ въ младенчествѣ, люблю васъ болѣе всего на свѣтѣ, готовъ погубить за васъ душу свою... не ввѣряйтесь молодому Граціани! Вы пропадете и всѣ знаменитые родственники ваши помрутъ съ горя... Да вы и не слышите, что я говорю; прибавилъ онъ со вздохомъ; вамъ и горя мало, если поморите всѣхъ насъ. О себѣ я не заботусь; мое дѣло служить вамъ до гроба, какъ служили мои предки

изъ рода въ родъ ссмейству Буонаротти и какъ долженъ служить сынъ мой... »

— Гдѣ сынъ твой? прервалъ его Микель-Анджело. Я не разъ говорилъ тебѣ, чтобъ онъ служилъ мнѣ.

« Да, чтобъ вмѣстѣ проказничать! Какъ бы не такъ?... Онъ слишкомъ молодъ; не ему смотрѣть за вами: въ двадцать лѣтъ еще мало ума для этого... Однакожъ, позвольте узнать, гдѣ вы провели вчерашній день, сударь? »

— Ну, вотъ ты смотришь за мною во всѣ глаза, а не знаешь, гдѣ я бываю; смѣясь сказалъ мальчикъ.

« Вы губите себя, Микель-Анджело Буонаротти! Вы пропадете!... Чѣмъ вы занимаетесь?... Рисуете картинки!... Хотите быть живописцемъ! Не стыдно ли сыну начальника Капрезе и Кіюзы, племяннику Антоніо Буонаротти, настоятеля монастыря Св. Духа, потомку знаменитыхъ графовъ Каноссе, сдѣлаться живописцемъ!... Пачкать руки какъ сапожникъ, какъ продавецъ макароновъ или какъ лаццароне Неаполитанскій... »

— Скоро ли ты перестанешь? прервалъ его

Микель Анджело; — развѣ у меня ангельское терпѣніе? —

Но Урбино расходился не на шутку, его нельзя было остановить: — «Да, работать, какъ работаетъ мой племянникъ Биффи, продолжалъ старикъ; онъ съ утра до вечера малюетъ вывѣски, а это выгоднѣе, чѣмъ писать образа, или другія картины; и все таки онъ часто сидитъ безъ куска хлѣба и по цѣлымъ суткамъ моритъ голодомъ жену и дѣтей; ужъ я помогаю, помогаю, а все въ прокъ нейдетъ. Живописецъ!...»

«Ну, ну!» произнесъ кто-то позади его. Урбино вздрогнулъ, обернулся; передъ нимъ стоялъ Францискъ Граціани.

— Что такъ поздно? — спросилъ Микель-Анджело, протягивая руку своему другу.

«Да вотъ разспроси почтеннаго слугу и ментора своего;» отвѣчалъ Граціани, грозясь пальцемъ на Урбино.

— Онъ мнѣ сказалъ, что ты не приходилъ.

«А мнѣ сказалъ, что тебя нѣтъ дома,» подхватилъ Граціани.

«Да, я солгалъ,» — сказалъ Урбино въ

сердцахъ. «Я погубилъ душу свою за господина, который меня кормитъ, одѣваетъ и платитъ мнѣ жалованье. Да, я солгалъ и не раскаяваюсь въ томъ; я опять готовъ сдѣлать то-же...»

«Славно, Урбино!» со смѣхомъ сказалъ Граціани. «Я тебѣ впередъ не повѣрю, если ты мнѣ скажешь, что Микель-Анджело нѣтъ дома; но любить тебя не перестану...»

«Не нужно мнѣ вашей любви,» холодно отвѣчалъ Урбино... «Я терпѣть не могу артистовъ...»

«Отъ чего?» въ одинъ голосъ спросили юноши.

«Что дѣлать, синьоръ Микель-Анджело?» отвѣчалъ Урбино, обращаясь только къ молодому барину своему. «У всякаго свои понятія; хоть я и лакей, но родился въ замкѣ графовъ Каноссе и вмѣстѣ съ молокомъ матери мнѣ стали знакомы чувства гордости и благородства; не даромъ прожилъ я всю жизнь при вельможахъ. Я не подамъ руки своей встрѣчному и поперечному; я гордъ и, признайтесь, мнѣ есть чѣмъ гордиться...»

«Чѣмъ же?» спросилъ кто-то; Урбино тотчасъ замолчалъ, Микель-Анджело вскочилъ съ своего мѣста, а Граціани присмирѣлъ.

III.

Въ комнату вошелъ мужчина среднихъ лѣтъ; лице его было угрюмо, лобъ весь въ морщинахъ, большіе голубые глаза, чуждые блеска, выражали совершенную холодность. Онъ былъ прекрасно сложенъ: но медленная походка, согнутый станъ и преждевременныя морщины доказывали, что онъ состарѣлся не отъ лѣтъ, а отъ горя. Вмѣстѣ съ нимъ вошелъ человѣкъ духовнаго званія; онъ составлялъ совершенную противоположность съ первымъ: былъ маленькаго роста, прямъ, довольно полонъ; улыбка не сходила съ лица его, веселаго и добродушнаго.

«Здравствуйте, папенька!» сказалъ Микель-Анджело, подавая стулъ. — Урбино пододвинулъ другой аббату.

— Мнѣ надо поговорить съ тобою, сказалъ отецъ, садясь на стулъ; — Граціани! Останьтесь; вы не мѣшаете намъ; — прибавилъ онъ, замѣтивъ, что молодой человѣкъ хотѣлъ уйти.

Урбино подошелъ къ полкамъ и началъ стирать пыль съ книгъ.

«Да, племянникъ, намъ надо поговорить съ тобою,» прибавилъ аббатъ, ободряя знаками молодаго Микель-Анджело, котораго всегда пугала суровость отца. —

Отецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, началъ говорить; голосъ его дрожалъ отъ избытка чувства; сынъ еще никогда не видалъ, чтобы отецъ его былъ такъ растроганъ.

«Микель-Анджело — началъ онъ—ты одинъ наслѣдникъ моего имени, моего богатства и, надѣюсь, тѣхъ благородныхъ свойствъ, которыя изъ рода въ родъ украшаютъ потомковъ Каноссе. Мать твоя умерла, когда ты еще не покинулъ колыбели; я былъ тогда очень молодъ, но не женился во второй разъ, чтобъ у тебя не было мачихи, которая могла бы уменьшить любовь мою къ тебѣ, — чтобы у тебя не было братьевъ, съ которыми ты

долженъ былъ-бы раздѣлить мое имѣніе... Всю жизнь, всю любовь свою я принесъ въ жертву твоему воспитанію; посуди же самъ, каково мнѣ видѣть, что ты не хочешь идти тѣмъ путемъ, который я тебѣ назначилъ? Сынъ мой! Людямъ богатымъ неприлично заниматься искусствами: они должны только покровительствовать имъ!... Продолжай заниматься литературой, будь поэтомъ! Твои сочиненія и теперь ужъ замѣчательны... Это не помѣшаетъ тебѣ служить отечеству, и ты всегда можешь пролить за него кровь свою!... Но мнѣ грустно, очень грустно, что потомокъ славныхъ и храбрыхъ графовъ Каноссе берется не за мечъ, а за кисть...»

«Хорошо... очень хорошо!» бормоталъ Урбино, поднимая книгу, которую только-что уронилъ.

«Отвѣчай, Микель-Анджело!» прибавилъ отецъ.

— Позвольте мнѣ, папенька и вы, дяденька, разсказать вамъ анекдотъ, который мнѣ удалось слышать вчера за обѣдомъ у Лаврентія Медичи.—

« Говори, » въ одинъ голосъ сказали подеста и аббатъ.

Микель-Анджело началъ:

— Албрехтъ Дюреръ, живописецъ и граверъ...

« Кто были родители его? прервалъ подеста . . . »

« Отецъ его — былъ, въ Нюренбергѣ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ; еслибъ онъ былъ дворянинъ, весь анекдотъ мой лишился бы занимательности. — Императоръ Максимиліанъ узналъ о дарованіяхъ знаменитаго живописца, призвалъ его и поручилъ ему сдѣлать во дворцѣ нѣсколько картинъ аль-фреско. Албрехтъ Дюреръ тотчасъ принялся за работу. Однажды онъ рисовалъ на стѣнѣ довольно высоко; Императоръ находился тутъ со всѣмъ дворомъ своимъ; живописцу надобно было подняться нѣсколько выше, чтобы окончить работу; онъ сталъ искать лѣстницы и не находилъ ея. Императоръ обратился къ одному изъ придворныхъ и сказалъ: «Позвольте живописцу стать на ваши плеча и такимъ образомъ дорисовать картину.» Дворянинъ обидѣлся этимъ и отвѣчалъ: « Государь, я готовъ по-

виноваться волѣ вашей; но позвольте замѣтить, что приказаніе ваше унижаетъ все дворянство: по этому оно должно служить подножіемъ артисту...»—У этого живописца, отвѣчалъ Максимиліянъ, самый знаменитый патентъ на дворянство: онъ великій художникъ. Изъ семи мужиковъ могу я тотчасъ сдѣлать семь дворянъ; но изъ семи дворянъ не могу сдѣлать семи артистовъ. Онъ тотчасъ же далъ дворянство Албрехту Дюреру и велѣлъ ему имѣть въ гербѣ три серебряные щита въ голубомъ полѣ. —

«Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Императора, «сказалъ подеста.» Ты хочешь доказать мнѣ... Но продолжай, сынъ мой, я тебѣ позволяю.»

— Папенька! вскричалъ Микель-Анджело, складывая руки, какъ будто хотѣлъ молиться; я страстно люблю живопись! Всякій разъ, когда я смотрю на хорошую картину, во мнѣ закипаетъ кровь, мною овладѣваетъ какая-то непонятная гордость и мнѣ кажется... только не смѣйтесь надо мною, папенька... что я рожденъ быть живописцемъ. —

«Послушай,» улыбаясь сказалъ подеста... «вчера Анджело Политани похвалилъ твои оды, и ты утверждалъ, что рожденъ быть поэтомъ!»

— Можетъ быть тѣмъ и другимъ, отвѣчалъ Микель-Анджело: живопись и поэзія родныя сестры. Онѣ идутъ обруку и одна другую поддерживаютъ.

«Каково разсуждаетъ!... Ужъ подлинно, нынче нѣтъ дѣтей; нынче родятся взрослыми!» шепталъ Урбино, перебирая книги. «Откуда онъ это выкопалъ?...»

«Слова его походятъ на правду, братецъ,» сказалъ пріоръ.

«Я не спорю о сродствѣ искусствъ, отвѣчалъ Подеста, но я убѣжденъ, что вельможа можетъ быть развѣ плохимъ поэтомъ, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть маляромъ. По этому я позволяю сыну заниматься стихотворствомъ и прошу его оставить живопись... Замѣтьте, братецъ, еслибъ я зналъ навѣрное, что онъ сдѣлается современемъ великимъ живописцемъ, я бы говорилъ совсѣмъ иначе..... Но теперь, прибавилъ Подеста, обращаясь к сыну — твое пристрастіе къ живописи мѣ-

шаетъ другимъ занятіямъ, и ты можешь заниматься ею только въ свободные часы..... Куда ты собирался идти съ синьоромъ Граціани?... »

— Погулять по окрестностямъ, — отвѣчалъ Микель-Анджело, значительно взглянувъ на Граціани, который покраснѣлъ при этомъ вопросѣ. —

«Ну, такъ ступайте, дѣти,» сказалъ подеста, дѣлая имъ прощальный знакъ рукою. Въ эту самую минуту пріоръ, наблюдавшій нѣсколько времени за Урбино, вскричалъ: «Что сдѣлалось съ Урбино? Посмотрите, братецъ, онъ трясется, блѣднѣетъ, краснѣетъ, шевелитъ губами, хочетъ что-то сказать и останавливается...»

— Ваше Сіятельство! Позвольте мнѣ говорить! сказалъ Урбино глухимъ голосомъ.

«Говори, другъ мой!» ласково отвѣчалъ подеста старому слугѣ своему.

— Остановите ихъ! Остановите ихъ! прокричалъ съ ужасомъ Урбино, показывая пальцемъ на юношей, которые выходили изъ библіотеки, взявшись за руки.

«Остановить?... Кого остановить?...» спросилъ пріоръ.

Занавѣсъ двери опустился, мальчики исчезли; старикъ закрылъ лице руками и простоналъ: «Ужъ поздно!»

IV.

— Отъ чего же поздно? спросилъ подеста, взглянувъ съ безпокойствомъ на пріора.

«Нѣтъ, еще не поздно» — отвѣчалъ старый слуга, какъ бы разсуждая самъ съ собою; «нѣтъ, еще можно помочь горю!... Надо говорить безъ околичностей!... Слуги знаютъ иногда больше господъ и тогда на нихъ лежитъ обязанность открывать все.

Синьоръ подеста и синьоръ пріоръ!» прибавилъ торжественно Урбино: —» съ нѣкотораго времени дѣлаются здѣсь странныя вещи; знаете ли вы, куда пошелъ синьоръ сынъ

вашъ, а вашъ племянникъ, съ маленькимъ Граціани?» —

— Нѣтъ, не знаю; да и на что мнѣ знать? сказалъ подеста. —

«На что знать? О, Боже милосердый!» вскричалъ Урбино, поднявъ глаза къ потолку.

— А ты развѣ знаешь, куда они пошли? спросилъ пріоръ.

«Нѣтъ, не знаю!» отвѣчалъ слуга.

— Такъ чего жъ ты испугался? спросилъ подеста. —

«Ваше Сіятельство! Здѣсь дѣлаются ужасныя дѣла! Меня можно назвать преступникомъ, если я не открою вамъ всего, что знаю.»

— Ты меня пугаешь, Урбино; сказалъ подеста; что же ты знаешь?

«Ничего, рѣшительно ничего!» мрачно отвѣчалъ старикъ.

Пріоръ захохоталъ, подеста пожалъ плечами и хотѣлъ было встать, чтобъ уйти, но Урбино опять началъ.

«Однакожъ я все-таки скажу вамъ, что видѣлъ.»

—Да говори короче! сказалъ подеста съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ. —

«Такъ вотъ, Ваше Сіятельство, теперь ужъ нѣтъ больше дѣтей! Синьоръ Микель-Анджело точно взрослый: онъ уходитъ, приходитъ, когда ему вздумается.—Ужъ онъ не говоритъ, какъ бывало прежде: Урбино, пойдемъ туда-то! — теперь только скажетъ: если синьоръ Францискъ Граціани придетъ, скажи ему, что я тамъ, гдѣ всегда... У нихъ вѣчные секреты, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ. — Иногда Граціани приходитъ и приноситъ что-то подъ плащемъ. — А что, — неизвѣстно. Синьоръ Микель-Анджело спрашиваетъ: ну, что, досталъ? — Да какой ты добрый, Граціани, ты всегда приносишь отъ учителя! — А что онъ приноситъ отъ учителя, до этого никакъ не могу добиться.—И кто такой этотъ учитель? — Чай, воръ, разбойникъ! Самъ Граціани признался мнѣ, что ломаетъ головы, отрѣзываетъ руки, увѣчитъ ноги... это еще не все: у нихъ ремесло, видно, прибыльное; у моего молодаго барина куча денегъ: доказательствомъ тому служитъ исторія трехъ чер-

вонцевъ... «Подеста хотѣлъ было заставить замолчать старика, который ужъ надоѣлъ ему своею глупою и безсвязною болтовнею; но послѣднія слова возбудили вниманіе его и онъ сказалъ:

— Что это за исторія о червонцахъ?

— Разскажи ее, да только поскорѣе и попроще, прибавилъ пріоръ.

«Разскажу, какъ умѣю,» сказалъ Урбино; «однакожъ постараюсь упоминать только о томъ, что навѣрное знаю и что самъ видѣлъ.»

Подеста и пріоръ разлеглись въ большихъ креслахъ, а Урбино, не выпуская изъ рукъ метелки, которою стиралъ съ книгъ пыль, началъ разсказъ.

V.

«Три дня тому назадъ, т. е. въ четвергъ, у синьора Микель-Анджело не было ни одного мараведиса; онъ ничего не могъ дать тому ни-

щему старику, который приходитъ каждый день и я принужденъ былъ принести изъ людской хлѣба. Прошу обратить вниманіе на это обстоятельство; теперь я приступаю къ разсказу:

Ваше Сіятельство, у меня есть сестра; она за мужемъ за живописцемъ Биффи, который рисуетъ вывѣски; у сестры шестеро дѣтей и всѣ они терпятъ крайнюю нужду. Вы не можете понять, что такое нужда; для этого надо самому испытать бѣдность. Сестра съ семействомъ живетъ на чердакѣ подлѣ церкви Св. Креста; Биффи платитъ за квартиру шесть червонцевъ въ годъ. Не знаю, ясно ли я разсказываю?»

— Хорошо, хорошо! Продолжай! въ одинъ голосъ сказали подеста и пріоръ.

«И такъ, зять мой платитъ шесть червонцевъ; онъ задолжалъ за шесть мѣсяцевъ, что составляетъ три червонца; у него не было денегъ. Хозяинъ дома велѣлъ ему выѣзжать изъ квартиры и заставилъ дать вексель, по которому надо было или заплатить въ прошлый четвергъ, три дня тому назадъ, или отправ-

ляться въ тюрьму. — Очень пріятно! Не правда ли? — Наступаетъ четвергъ; денегъ не откуда взять; Биффи, сестра, дѣти всѣ плачутъ съ самаго утра. — Ужъ и вечеръ: въ бѣдной канурѣ ихъ темно, хоть глазъ выколи; зажечь имъ нечего: нѣтъ ни свѣчки, ни масла, ни сала. — На колокольнѣ пробило семь часовъ. Вдругъ Биффи слышитъ: кто-то зоветъ его съ улицы; онъ открываетъ окно, но никого не видитъ въ темнотѣ; лишь только окно его открылось, кто-то опять закричалъ: посторонись! — и въ комнату влетѣлъ свертокъ, упалъ на полъ и зазвенѣлъ. Ахъ, это деньги! сказала сестра. — Какія деньги? отвѣчалъ Биффи, вѣрно, мальчишки бросили камень. Подняли свертокъ, отдали матери и она закричала въ восторгѣ: деньги, деньги! Въ потьмахъ нельзя было сосчитать ихъ; на другое утро увидѣли, что это три червонца... Ну, скажите теперь, откуда Микель-Анджело взялъ ихъ?...»

Да развѣ это онъ ихъ бросилъ? — спросилъ подеста.

«Да комужъ, кромѣ него?» простодушно отвѣчалъ Урбино.

—Онъ не одинъ живетъ въ Ареццо; замѣтилъ пріоръ.

—Къ тому же, гдѣ ему взять вдругъ три червонца? сказалъ подеста, улыбаясь.

«То-то и удивительно!» прибавилъ Урбино.

—Однакожъ, на чемъ основываешь ты свое предположеніе? спросилъ подеста.

«О, на многомъ! Во первыхъ, Биффи узналъ его по голосу.»

—Это еще не доказательство; сказалъ пріоръ.

«Однимъ словомъ,» продолжалъ Урбино въ видѣ заключенія, «теперь ужъ нѣтъ дѣтей! Только что родились, не успѣешь оглянуться, а они уже большіе; вотъ точно, какъ синьоръ Микель-Анджело. Это ужасно, Ваше Сіятельство!»—

—Нисколько, мой добрый, вѣрный Урбино! отвѣчалъ подеста; потомъ прибавилъ, вставая:

—Братецъ, вы обѣдаете сего дня у Медичи?

«Да; а вы, подеста?»

—Я тоже, пріоръ.

«Такъ не пора ли отправляться?»

—Я думаю; ужъ двѣнадцать часовъ.

«Ахъ! Мы вѣрно опоздаемъ.» Сказалъ пріоръ, вставая, и оба брата вышли изъ библіотеки.

«О! Такъ вамъ еще мало этихъ доказательствъ?» ворчалъ имъ въ слѣдъ Урбино. «Хорошо, я найду еще другія и до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока не объясню всѣхъ тайнъ!»

VI.

У Лаврентія Медичи находился дворецъ близъ Ареццо; когда ему случалось бывать въ немъ, то его обыкновенно окружало множество ученыхъ и артистовъ. Въ этотъ день, какъ и всегда, за обѣдомъ сидѣли очень долго; подъ конецъ его, Петръ Медичи, по знаку отца своего Лаврентія, прежде нежели встали другіе, увелъ молодыхъ друзей своихъ изъ за стола въ садъ. Была зима; снѣгъ покрывалъ деревья и древнія статуи, которыми садъ былъ

наполненъ, и придавалъ имъ какой-то странный, оригинальный видъ.

«Знаете-ли что, господа? у меня родилась славная мысль,» воскликнулъ Микель-Анджело: «наши отцы просидятъ еще часа два за столомъ и будутъ толковать о своихъ подвигахъ; — давайте надѣлаемъ пока статуй и поставимъ ихъ въ этой открытой галереѣ. Старики непремѣнно пойдутъ по ней и удивятся.»

«Откудажъ тыʼ наберешь статуй, Микель-Анджело?» спросилъ Петръ Медичи.

«А снѣгъ-то начто?»

«Въ самомъ дѣлѣ, славная мысль!» сказалъ сынъ Маркизы Мантуанской. «Намъ будетъ и тепло, и весело.»

Сказано — сдѣлано. Вся толпа молодыхъ вельможъ взялась за работу, не обращая вниманія на бархатъ и кружева одежды своей. Одни копали снѣгъ, другіе переносили его поближе къ галереѣ: въ нѣсколько минутъ тамъ и сямъ появились безобразныя глыбы снѣга, которыя нисколько не походили на человѣческіе образы.

Вдругъ Микель-Анджело подошелъ къ древней статуѣ Фавна, превосходно сдѣланной, но у которой недоставало головы.

«Надо придѣлать голову этому старому Фавну,» сказалъ онъ, взялъ снѣгу и тотчасъ же принялся за дѣло. Товарищи окружили его: онъ работалъ быстро и забавлялъ ихъ своею веселостію. «У Фавна лице должно быть насмѣшливое,» говорилъ онъ: «для этого надо поднять одинъ уголъ рта; также одну бровь,— ротъ долженъ быть открытъ. Фавнъ вѣчно хохочетъ...» Между тѣмъ работа быстро подвигалась; голова — окончена... «Славно!» сказалъ онъ, отступая назадъ, чтобъ полюбоваться своею работой. «Право, не дурно! Петръ, Граціани, Мантуа, Валентинъ! Ну, какъ вы думаете? — Не даромъ говорятъ, что всегда есть успѣхъ, если занимаешься охотно!»...

Между тѣмъ онъ все отступалъ назадъ, продолжая любоваться своею работой; но вдругъ наступилъ кому-то на ногу.

«По осторожнѣй, по осторожнѣй!» сказали ему.

Микель-Анджело быстро обернулся и увидѣлъ, что Лаврентій Медичи потираетъ ногу; за нимъ находились всѣ гости, въ числѣ которыхъ были отецъ и дядя его. Молодой Буонаротти смѣшался и началъ было извиняться; но Лаврентій Медичи не далъ ему выговорить ни слова, съ ласкою ущипнулъ его за ухо и, обращаясь къ гостямъ своимъ, сказалъ:

«Посмотрите, господа! Эта голова не опытъ начинающаго; это мастерское произведеніе! — Впрочемъ,» прибавилъ онъ, «критика можетъ ко всему придраться! вотъ и я тебѣ замѣчу, Микель-Анджело, что твой Фавнъ старъ, а у него всѣ зубы. Развѣ ты не знаешь, что у стариковъ всегда нѣсколькихъ недостаетъ?»

«Вы правы, синьоръ,» отвѣчалъ Микель-Анджело; тотчасъ же подбѣжалъ къ статуѣ, выломилъ одинъ передній зубъ и сдѣлалъ углубленіе въ деснѣ, какъ будто зубъ выпалъ.

Всѣ артисты и любители искусствъ были въ восторгѣ; молодаго художника осыпали похвалами. Вечеромъ, когда онъ возвращался домой вмѣстѣ съ отцемъ и дядею, ему не читали

наставленій о томъ, что онъ не долженъ предаваться искусствамъ.

Когда карета остановилась у подъѣзда, подеста замѣтилъ, что физіономія Урбино, который встрѣчалъ господъ своихъ съ другими лакеями, выражала какое-то особенное удовольствіе.

«Ваше Сіятельство,» сказалъ Урбино, отпирая дверцы кареты;» все открыто! Позвольте мнѣ проводить васъ въ кабинетъ!»

VII.

Подеста далъ знакъ; Урбино выхватилъ свѣчку у одного слуги и пошелъ передъ господиномъ своимъ въ кабинетъ. Подеста подошелъ къ пылающему камину и сѣлъ въ большія кресла; въ это время онъ замѣтилъ, что у входа въ комнату стоитъ пріоръ и улыбается.

«Любопытство и любовь къ племяннику,» сказалъ онъ, подходя ближе, «привели меня

сюда. Значительные взгляды и испуганный видъ Урбино заставляютъ меня предполагать, что разсказъ его будетъ занимателенъ.» .

«Садитесь, братецъ,» сказалъ подеста; «а ты, Урбино, разсказывай, что знаешь; только, пожалуйста, не дѣлай никакихъ пустыхъ предположеній.»

«Ахъ, Ваше Сіятельство!» отвѣчалъ Урбино почтительно.» Въ такомъ случаѣ, мнѣ почти нечего разсказывать.»

«Такъ дочего же довели тебя всѣ твои открытія?» спросилъ его пріоръ.

«Они довели меня до мысли,» отвѣчалъ Урбино, «что каждое злодѣяніе открывается рано или поздно, не смотря на всѣ предосторожности, чтобъ скрыть его. — Богъ, по милосердію своему, наказываетъ каждый дурной поступокъ.»

«Однакожъ, Урбино,» ласково сказалъ подеста, «поскорѣй!»

Старый слуга началъ: — «Синьоръ Микель-Анджело, сынъ вашъ, родился 1474 года, марта 6-го въ четвергъ... я никогда не забуду этого дня»...

«Пропустимъ, Урбино, первые мѣсяцы его жизни,» прервалъ пріоръ.

«Никакъ нельзя, Ваше Сіятельство,» отвѣчалъ старикъ; «они-то и погубили молодаго барина.»

«Какъ такъ?» со смѣхомъ спросилъ пріоръ.

«Его кормилица»... отвѣчалъ Урбино.

«Бѣдная женщина!» сказалъ подеста; «она умерла, когда у Микель-Анджело только что начали прорѣзываться зубы.»

«Такъ точно: но она была жена скульптора и, какъ утверждаетъ мужъ ея, тоже артистка; самъ Микель-Анджело признается, что, вмѣстѣ съ молокомъ кормилицы, въ него перешла любовь къ искусствамъ.»

«Послушай, Урбино!» сурово сказалъ подеста. «Говори, безъ околичностей, что узналъ о поведеніи сына моего; ужъ поздно!»

«Сей часъ, сударь; намыльте только порядочно голову молодому барину, прогоните этого демона-искусителя Граціани и велите повѣсить Джирландайо... но я начинаю... Знаете ли вы, что приносилъ этотъ злодѣй Гра-

ціани нашему молодому Графу Каноссе. . . я бы въ вѣкъ не догадался ; да спасибо , лакей этого злодѣя Джирландайо во всемъ признался мнѣ. . . Нѣтъ, вамъ и во снѣ не привидится! . . .—Тотчасъ послѣ вашего отъѣзда, мнѣ вздумалось пойти къ сестрѣ, чтобъ еще развѣдать о тѣхъ трехъ червонцахъ. Прихожу и застаю все семейство за обѣдомъ; правда, у нихъ на столѣ только одно кушанье—макароны, да какія! Я безъ ума отъ макароновъ! Сажусь, мнѣ накладываютъ полную тарелку; я ѣмъ и между тѣмъ говорю зятю: « ну, а червонцы? » — Я ихъ отдалъ за квартиру , отвѣчаетъ онъ. — « И ты не знаешь, кто тебѣ далъ ихъ? » — Нѣтъ , не знаю , говоритъ онъ. — « Что жъ ты мнѣ сказалъ прежде, будто узналъ моего молодаго барина по голосу? » — Да это мнѣ только показалось , отвѣчаетъ зять ; всякій разъ, когда я слышу пріятный и нѣжный голосъ, мнѣ кажется, будто это говоритъ Микель-Анджело; но жена моя утверждаетъ , что голосъ, который меня звалъ въ ту ночь , былъ гораздо грубѣе. — « Не отъ того ли показался онъ грубѣе, что синьоръ Микель-Анджело дол-

женъ былъ кричать?» замѣтила девятилѣтняя племянница моя, дѣвочка умная, острая, но извините: я не намѣренъ хвалить своихъ родственниковъ.

—Мнѣ что за дѣло, кто намъ помогъ? продолжалъ зять мой; я все равно вѣкъ стану за него молиться Богу! — И за всѣхъ родственниковъ его; подхватила сестра. Я принуждена была отдать деньги, но всегда буду хранить, какъ святыню, бумажку, въ которой онѣ лежали.

«Покажи мнѣ бумагу, сказалъ я сестрѣ.»— Она достала ее изъ подъ стекла и подала мнѣ. «Вотъ она, Ваше Сіятельство!» прибавилъ Урбино, развертывая ее передъ самымъ лицемъ подесты. — «Посмотрите, вѣдь, это — почеркъ синьора Микель-Анджело.»

«Да, точно,» сказалъ подеста, передавая бумажку своему брату. «Ну, а вамъ какъ кажется?»

«Да, это писалъ племянникъ!» сказалъ пріоръ.

«Ваше Сіятельство — видите, что тутъ есть

только одно слово: Джирландайо»... прибавилъ Урбино.

«Это фамилія извѣстнаго живописца,» замѣтилъ подеста; «однакожъ продолжай!»

— «И я зналъ эту фамилію,» продолжалъ Урбино; «я вспомнилъ, что товарищъ мой, Паоло, служитъ у какого-то Джирландайо: но какъ его найти? Долго думалъ я и наконецъ рѣшился идти въ церковь помолиться Богу. Подхожу къ церкви Св. Креста; всхожу на паперть и въ самыхъ дверяхъ встрѣчаюсь съ Паоло, слугою Джирландайо. Я тотчасъ подалъ ему святой воды. За вѣжливость всегда платятъ вѣжливостью: онъ предложилъ мнѣ мѣсто подлѣ себя. Мы сѣли и онъ сказалъ мнѣ: Вашъ молодой баринъ изъ нашихъ? — Какъ такъ изъ нашихъ? — Да, онъ учится у моего барина; и синьору Граціани не мало труда стоило помѣстить его къ намъ. — Тутъ я съ жадностью сталъ слушать его, а Паоло продолжалъ: представь себѣ, этотъ молодой Граціани имѣлъ терпѣніе тайно снимать копіи со всѣхъ картинъ моего барина и носить ихъ къ Микель-Анджело, который по нимъ, самъ

собою, выучился живописи, да такъ хорошо выучился, что вотъ недѣля, какъ онъ поступилъ въ нашу мастерскую, а Джирландайо платитъ ему уже по скольку-то червонцевъ въ годъ... Каковъ твой молодой баринъ? Ему только четырнадцать лѣтъ, а ужъ онъ заработываетъ деньги!...—Вотъ и тайна червонцевъ объяснилась сама собою!... Кому же кромѣ синьора Микель-Анджело было дать ихъ!... Понимаете, Ваше Сіятельство?... Изъ церкви я стремглавъ прибѣжалъ домой: но вы все еще были во дворцѣ Медичи; наконецъ я дождался васъ и облегчилъ сердце свое разсказомъ.»

—«Поди, позови моего сына; онъ, вѣрно, еще не спитъ,» сказалъ подеста.

«Сей часъ, сей часъ!» торопливо отвѣчалъ Урбино и вышелъ.

VIII.

Въ комнату Микель-Анджело надо было проходить мимо библіотеки; Урбино замѣтилъ тамъ огонь и вошелъ туда. Молодой артистъ сидѣлъ передъ столомъ и прилежно рисовалъ; старикъ покачалъ головою и сказалъ: «пора, пора заставить его разстаться съ артистами, ученьемъ и искусствами. Подеста проситъ васъ къ себѣ!» прибавилъ онъ громче. «Приготовьтесь, сударь, вамъ славно намылятъ голову: все открыто, — все!»

«Что такое?» спросилъ Микель-Анджело, всталъ и пошелъ за Урбино.

«Синьоръ, весь заговоръ вашъ открытъ; всѣ участники извѣстны и вамъ придется распроститься съ искусствомъ, артистами и синьоромъ Граціани! . . . Васъ заставятъ жить, какъ настоящаго вельможу, спать ложиться рано, вставать поздно, ничего не дѣлать и отдыхъ вашъ будетъ продолжаться, по крайней мѣрѣ, шесть часовъ каждый день . . .»

«Да такая жизнь и кроту наскучитъ!» со смѣхомъ сказалъ Микель-Анджело.

«Смѣйтесь, смѣйтесь!» сердито отвѣчалъ Урбино; «посмотримъ, какъ-то вы станете смѣяться послѣ? Вы и не знаете, что васъ ожидаетъ... Вотъ прошу войти!» Урбино распахнулъ занавѣси дверей и громко доложилъ: «Синьоръ Микель-Анджело!»

Старику слугѣ слѣдовало бы уйти; но онъ вошелъ тоже въ комнату и сталъ къ сторонѣ, потирая руки и ожидая, чѣмъ все кончится. Но каково было его удивленіе, когда подеста протянулъ свои руки къ сыну и сказалъ голосомъ нѣжнымъ и трогательнымъ: «Поди, обними меня, милый сынъ мой! Ты достойный потомокъ знаменитаго дома Каноссе; — мы всѣ будемъ тобою гордиться... Будь артистомъ! Слѣдуй влеченію души своей и продолжай также благородно употреблять заработанныя деньги!... И такъ,« продолжалъ Подеста полушутливымъ тономъ; « Джирландайо платитъ тебѣ, вмѣсто того, чтобъ получать отъ тебя за ученіе?... А поскольку даетъ онъ тебѣ въ годъ?...»

«Не всегда поровну: по шести, восьми и по десяти червонцевъ, папенька,» отвѣчалъ Микель-Анджело; «признаюсь, я никакъ не принялъ бы отъ него денегъ, но мнѣ нужно было помочь бѣдному Биффи.»

«Нѣтъ никакого стыда получать честно заработанныя деньги,» замѣтилъ пріоръ.

«Ты можешь сказать Граціани,» продолжалъ подеста,» что я его каждый день радъ видѣть у себя за обѣдомъ; — теперь ступай спать и прими мое благословеніе, я счастливый отецъ!»

«Да благословитъ тебя Богъ!» сказалъ пріоръ, обнимая племянника.

«Ну что?» спросилъ Микель-Анджело стараго Урбино, когда они шли по длинному корридору.

—«Нѣтъ я никогда не думалъ, чтобъ вельможа могъ сдѣлаться артистомъ,» печально отвѣчалъ старикъ.

Это дѣйствительное происшествіе; еще до сихъ поръ хранится въ семействѣ Буонаротти актъ, по которому Джирландайо обязался платить: шесть, восемь или десять червонцевъ въ годъ четырнадцатилѣтнему Микель-Анджело.

Черезъ годъ молодому артисту негдѣ ужъ было учиться: всѣ извѣстные въ то время художники единогласно признались, что этотъ пятнадцатилѣтній живописецъ и ваятель несравненно выше ихъ. Въ природѣ и памятникахъ древняго ваянія находилъ онъ правила рисованія и употребленія красокъ. Отъ того-то въ произведеніяхъ его столько оригинальности и силы.

Подъ покровительствомъ Лаврентія Медичи основалъ онъ во Флоренціи академію живописи и ваянія; но политическія волненія прервали его занятія и принудили его удалиться въ Венецію, откуда онъ однакожъ вскорѣ возвратился.

Около этого времени былъ во Флоренціи кардиналъ de Saint Gregoire; онъ выдавалъ себя за любителя ваянія и предпочиталъ самую плохую древнюю статую всѣмъ лучшимъ произведеніямъ Микель-Анджело. Слухъ объ унизительныхъ отзывахъ кардинала дошелъ до художника; онъ вздумалъ съиграть шутку съ знатокомъ и цѣнителемъ изящнаго.

Однажды, копая землю, нашли прекраснаго

купидона; у него недоставало одной руки; статую тотчасъ приносятъ къ кардиналу, любителю древностей; онъ приходитъ въ восторгъ, покупаетъ ее за ужасно дорогую сумму, ставитъ въ самомъ видномъ мѣстѣ своего дворца и посылаетъ за Микель-Анджело, чтобъ похвастаться своимъ пріобрѣтеніемъ.

«Я не нахожу въ ней ничего особеннаго!» холодно сказалъ артистъ, разсматривая статую.

— А можете ли вы сдѣлать такую? — спросилъ кардиналъ.

«Я думаю, даже безъ труда,» съ улыбкою отвѣчалъ артистъ.

«Вы, вѣрно, не разсмотрѣли статуи,» замѣтилъ кардиналъ, «Поглядите: какая во всемъ оконченность! Сколько выраженія въ лицѣ! Что за ноги! Что за руки...»

«Что за рука!... хотѣли вы сказать: другой нѣтъ...

«Я увѣренъ, никто изъ нынѣшнихъ артистовъ не придѣлаетъ другой.»

«Позвольте мнѣ только сходить домой, и я докажу вамъ противное,» отвѣчалъ Микель-Анджело.

«Хорошо: я жду васъ!» сказалъ кардиналъ; онъ предполагалъ, что Микель-Анджело принесетъ статую, которая будетъ несравненно хуже найденнаго купидона.

Микель-Анджело вскорѣ вернулся; за нимъ не несли ничего; онъ распахнулъ плащъ свой, вынулъ изъ подъ него мраморную руку, подошелъ къ статуѣ и приставилъ ее: — это была рука Купидона.

«Что за чудеса!» воскликнулъ кардиналъ.

«Нѣтъ, не чудеса, а хитрость!» отвѣчалъ художникъ. «Мнѣ только хотѣлось доказать, что и нынѣшніе художники не отстаютъ отъ древнихъ. Я сдѣлалъ купидона, отломилъ руку и зарылъ остальное въ такомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно находятъ древнія статуи... Вотъ и все!»

Въ послѣдствіи состояніе Микель-Анджело разстроилось: Лаврентій Медичи умеръ, академія уничтожилась и художникъ остался бы въ бѣдности: но пріоръ монастыря Св. Духа заказалъ ему въ это время распятіе изъ дерева и далъ за это квартиру и столъ; къ тому же доставилъ ему случай изучать анатомію; въ

этой наукѣ великій художникъ почерпнулъ понятія объ изяществѣ положеній и правильности рисунка.

Микель-Анджело Буонаротти вскорѣ опять обогатился, но онъ презиралъ роскошь. Удовольствіе находилъ онъ только въ художествахъ и поэзіи; случалось, что онъ проводилъ цѣлыя ночи за работой, или одинъ бродилъ по уединеннымъ окрестностямъ. Онъ обыкновенно спалъ не раздѣвшись; часто въ продолженіи нѣсколькихъ дней ѣлъ только хлѣбъ да воду. Характеръ у него былъ безкорыстный, благородный и непреклонной твердости. — Знатные люди искали его знакомства, но онъ убѣгалъ общества; уединенная, тихая жизнь неодолимо влекла его къ себѣ.

«Друзья и дѣти мои,» говаривалъ онъ; «это мои произведенія; я не хочу другаго потомства. Вотъ, напримѣръ, Лаврентій Джиберти оставилъ послѣ себя множество дѣтей, большое богатство: но дѣти его померли, богатство исчезло и имя его было бы давно забыто, еслибъ онъ не вылилъ бронзовыхъ дверей для храма Св. Іоанна.

Микель-Анджело душевно любилъ Урбана, сына стараго слуги своего Урбино; однажды сказалъ онъ ему: «Любезный Урбанъ, что ты станешь дѣлать послѣ моей смерти?»

«Придется служить другому господину.»

«Нѣтъ, ужъ до этого я тебя не допущу!» сказалъ художникъ и подарилъ слугѣ своему десять тысячъ рублей. — Однакожъ Урбанъ умеръ раньше своего господина. Во время болѣзни Микель-Анджело день и ночь ходилъ за нимъ и долго не могъ утѣшиться послѣ его смерти.

1564 года 17-го февраля умеръ знаменитый художникъ, девяноста лѣтъ отъ роду. Чувствуя приближеніе смерти, онъ велѣлъ позвать своего племянника Леонарда Буонаротти и продиктовалъ ему слѣдующее завѣщаніе: «Отдаю душу свою Богу, тѣло—землѣ, а имѣніе—ближайшимъ родственникамъ.»

Его похоронили во Флоренціи, въ храмѣ Св. Апостоловъ; въ Исторіи сохранилось описаніе великолѣпныхъ похоронъ его и катафалка, замѣчательнаго потому, что его дѣлали

знаменитые живописцы и скульпторы. Ему соорудили мраморный памятникъ.

Потомки знатнаго дома Каноссе до сихъ поръ живутъ во дворцѣ Буснаротти; тамъ есть прекрасная картинная галерея: лучшіе художники Флорентинской школы изобразили въ картинахъ, тамъ находящихся, самыя замѣчательныя происшествія изъ жизни Микель-Анджело.

КОРЕДЖІО.

Будьте покровителемъ и учителемъ этого маленькаго Кореджіо.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

КОРРЕДЖІО.

I.

Однажды, поздно вечеромъ, по тропинкѣ, которая вела изъ густаго лѣса въ мѣстечко Корреджіо, шла бѣдная женщина; она съ трудомъ несла огромную вязанку дровъ; наконецъ остановилась подлѣ бѣдной хижины, сложила дрова и осторожно вошла въ нее.

«Это ты, Маріетта?» спросилъ мужчина.

— Да, Аллегри; — я относила работу въ замокъ къ маркизѣ Камбара...

«И вѣрно заходила въ лѣсъ, чтобъ заглянуть, что дѣлаетъ сынъ нашъ; не нашла его, сама нарубила дровъ и принесла, моя бѣдная Маріетта! Не отпирайся: по твоей медленной походкѣ и усталости я отгадываю это.»

— Тише! отвѣчала жена. Вотъ, кажется, идетъ братъ мой: при немъ не надобно жаловаться на Антоніо. — Здравствуй, Лаврентій! продолжала она съ принужденною веселостію; но блѣдное, унылое лице очень ясно обнаруживало внутреннія страданія. Въ избу вошелъ человѣкъ маленькаго роста, толстый, веселый; по его красному лицу можно было заключить, что онъ любитъ крѣпкіе напитки.

«Здравствуй, сестрица! — «сказалъ Лаврентій, дружески пожимая Маріеттѣ руку. «Какая ты сего дня блѣдная! Что съ тобой?» — Не дожидаясь отвѣта, онъ подошелъ къ кровати, на которой лежалъ довольно молодой человѣкъ; на блѣдномъ, изнуренномъ лицѣ его легко можно было прочесть страданія физическія, печаль и лишенія всякаго рода. — «Ну, каково твое здоровье, Аллегри?» спросилъ Лаврентій.

«Не лучше, братецъ, все также»...

— Терпѣніе, Аллегри!... прервала его Маріетта. —

«Да, терпѣніе! А откуда взять его? Я довольно натерпѣлся, вотъ уже восемь мѣсяцевъ

лежу и не смѣю пошевельнуться... Да, Лаврентій; шутка ли, восемь мѣсяцевъ!... Съ 17-го ноября 1508 года я страдаю... вотъ ужъ прошла половина 1509 года, а мнѣ все не легче... Пожалуйста, жена, не прерывай меня: надо же хоть жалобами облегчить свое стѣсненное сердце... Да, братецъ, съ 1508 года посыпались на насъ несчастія одно за другимъ!... Сначала заболѣли глаза у Маріетты: она не могла работать...»

—Да, почти цѣлыхъ два мѣсяца, прошептала Маріетта.

«Потомъ,» продолжалъ Аллегри, «я до самой смерти не забуду 17-го ноября... Это было въ четвергъ; я шелъ домой, вдругъ вспомнилъ, что на слѣдующій день праздникъ. Маріеттѣ, вѣрно, понадобятся дрова; подумалъ я, вернулся въ лѣсъ, нарубилъ вдвое болѣе обыкновеннаго, съ трудомъ взвалилъ ихъ на спину и поплелся кое-какъ; вотъ, при поворотѣ тропинки, мнѣ послышался вдали голосъ Маріетты... Ты знаешь, братецъ какъ я люблю ея пѣніе.»

Съ тѣхъ поръ уже я не пою...— съ глу-

боко́ю грустью тихо сказала бѣдная женщина. Аллегри не слыхалъ этого и продолжалъ спокойно: «она пѣла тирольскую пѣсню... знаешь, Лаврентій, ту, которая начинается: «*подъ длинными рѣсницами Флоретты*»... мнѣ хотѣлось поскорѣе подойти къ Маріеттѣ и удивить ее нечаяннымъ появленіемъ; но на дорогѣ лежитъ камень, я не замѣчаю его, спотыкаюсь и ломаю себѣ ногу!... Какъ долго она не срастается!..»

— Она было срослась, да ты всталъ слишкомъ рано, пошелъ на работу и опять сломилъ ее, замѣтила Маріетта.

«Болѣзнь всегда бываетъ продолжительна, когда душа и тѣло страдаютъ вмѣстѣ;» — сказалъ Аллегри.

«Что общаго между тѣломъ и душою?»... спросилъ Лаврентій съ улыбкою, которая доказывала, что онъ былъ доволенъ своею мнимой остротою.

«Общаго между ними то, что тѣло бываетъ здорово, когда на душѣ весело;» отвѣчалъ Аллегри.

«Клянусь Вакхомъ! Трудно жъ угодить на тебя!...» сказалъ Лаврентій. «Чего недостаетъ

тебѣ?... У тебя самая умная жена въ цѣломъ Корреджіо... Сынъ твой Антоніо красивъ, проворенъ, ловокъ, остеръ, добръ, словомъ, такого мальчика не найдешь ни въ Корреджіо, ни въ Моденѣ, ни въ Феррарѣ, ни даже въ цѣлой Италіи... О другихъ земляхъ я не говорю: я не видалъ тамошнихъ дѣтей!»

«А между тѣмъ, онъ-то и дѣлаетъ мнѣ жизнь настоящею каторгою;» отвѣчалъ Аллегри, притворяясь, будто не замѣчаетъ мальчика лѣтъ пятнадцати, который робко вошелъ въ комнату, прокрался въ самый темный уголъ и сѣлъ тамъ.— «Съ 17-го января пошелъ ему шестнадцатый годъ; помнишь, братецъ, онъ родился 1494 года...»

«Какъ не помнить?... прервалъ его Лаврентій... Въ тотъ годъ вино очень вздорожало; я поиздержался на крестинахъ Антоніо и по этому долженъ былъ отказаться на три мѣсяца отъ своего любимаго напитка... Сынъ твой славный мальчикъ; у него только одинъ недостатокъ —онъ не любитъ вина...»

«Скажи лучше,» прервалъ его Аллегри: «онъ не любитъ работы!»

«Постой, братецъ, ты хочешь сказать: онъ слишкомъ много работаетъ.»

«Нечего сказать: работаетъ!» прервалъ Аллегри.

«Да, братецъ, «продолжалъ Лаврентій: «вотъ теперь ужъ поздно; но Антоніо сидитъ у меня дома и работаетъ: онъ придѣлываетъ небо къ транспарану, который я нарисовалъ для священника; да какое жъ небо, Аллегри! Я отъ роду такого не видывалъ: все голубое, а бѣлыя облака по немъ такъ и ходятъ, будто и въ самомъ дѣлѣ вѣтеръ ихъ гонитъ...»

«Живопись не его дѣло,» сказалъ Аллегри; «лучше бы ему идти въ лѣсъ и рубить дрова, какъ другіе. Мать его трудится день и ночь, чтобъ добыть хлѣба для меня, для себя и для него; а этотъ пятнадцатилѣтній малый не заработываетъ себѣ ни куска,» прибавилъ Аллегри громко и сурово.

«Братецъ, ты слишкомъ сердитъ: хорошо, что Антоніо не слыхалъ этихъ словъ,» отвѣчалъ Лаврентій, печально опустивъ голову. «Кто знаетъ, можетъ быть, сыну твоему не нравится быть дровосѣкомъ.»

«Не нравится! А чтожъ такое нравится ему?» спросилъ Аллегри.

«Напримѣръ, мое ремесло.»

«Оно тебѣ едва доставляетъ ломоть хлѣба и кружку воды въ сутки...»

«Правда, Аллегри,» отвѣчалъ Лаврентій; «но надо признаться, что у твоего сына большія способности къ живописи... Когда онъ еще былъ меньше, придетъ, бывало, ко мнѣ, взглянетъ на мои картины и говоритъ: дяденька, эта рука выходитъ Богъ знаетъ откуда;... дяденька, у этого человѣка одна нога въ половину короче другой... этотъ носъ совсѣмъ свернулся на сторону. И я бываю принужденъ сознаться, что онъ правъ... А онъ нигдѣ не учился живописи, даже не видалъ хорошихъ картинъ: правда, и я не учился, но... Впрочемъ, вотъ уже третьи сутки, какъ онъ не приходитъ ко мнѣ, вѣрно работаетъ въ лѣсу...»

«Антоніо!» кликнулъ дровосѣкъ.

II.

Къ удивленію Лаврентія и Маріетты, Антоніо вышелъ изъ угла своего и медленно подошелъ къ отцу.

«Антоніо, куда ходилъ ты эти три дня?» спросилъ Аллегри.

«Въ лѣсъ, батюшка,» робко отвѣчалъ мальчикъ, опустивъ голову.

Маріетта съ безпокойствомъ взглянула на сына.

«Если ты ходилъ въ лѣсъ, то, вѣрно, рубилъ дрова; если рубилъ, то вѣрно, тебѣ заплатили; сегодня суббота; гдѣ жъ деньги?» спросилъ отецъ.

«Со мною случилось происшествіе, батюшка,» отвѣчалъ Антоніо.

«Происшествіе!» повторилъ Аллегри.

«Вотъ видите,» началъ Антоніо: «три дня тому назадъ, увѣщанія маменькины подѣйство-

вали на меня; я пошелъ въ лѣсъ съ намѣреніемъ рубить дрова и принести вамъ заработанныя мною деньги: но, какъ вы сами, дяденька, часто говорите — человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ . . . и . . .

«Ну, чтожъ дальше?» сказалъ отецъ, замѣчая, что сынъ не знаетъ, какъ продолжать.

«Ну, Антоніо?» ласково спросила Маріетта.

«Да продолжай же!...» нетерпѣливо сказалъ Лаврентій.

«Да, я въ большомъ затрудненіи,» тихонько сказалъ Антоніо, взглянувъ съ безпокойствомъ на мать и на дядю.

«Ты, вѣрно, совсѣмъ не рубилъ дровъ?...» спросилъ Лаврентій.

«Напротивъ!» отвѣчалъ Антоніо.

«Ну, такъ потерялъ деньги,» замѣтила мать.

«Нѣтъ, маменька!»

«Да говори же . . .» сказалъ отецъ.

—«Я прихожу въ лѣсъ,» началъ Антоніо довольно смѣло, ободренный улыбкою матери; «утро было холодное — я взялся за топоръ и ну рубить, на право и на лѣво. Я былъ очень

прилеженъ; другіе дровосѣки ободряли и хвалили меня; они увѣряли, будто я могу столько же заработать, сколько и ты, батюшка. Вотъ къ несчастію настало время обѣда: я вынулъ ножикъ, отрѣзалъ хлѣба и сѣлъ подъ деревомъ; во время ѣды попадается мнѣ подъ руку толстый сукъ; я начинаю его рѣзать ножемъ... вдругъ мнѣ пришла мысль... такая мысль, которая заставляетъ забывать все на свѣтѣ и которая приходитъ, Богъ вѣсть, какъ и откуда... Я, право, не виноватъ, батюшка... И такъ я все продолжалъ работать ножемъ,... проработалъ три дня и кончилъ лишь сегодня вечеромъ...»

«Кончилъ? Что такое»? въ одинъ голосъ спросили отецъ, мать и дядя.

Мальчикъ пошелъ въ уголъ и принесъ оттуда деревянное изображеніе Мадонны съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ; все было сдѣлано очень грубо, но съ выраженіемъ. «Вотъ чѣмъ занимался я!» сказалъ Антоніо.

«Чудесно! Превосходно!» вскричалъ Лаврентій съ одушевленіемъ художника, который замѣчаетъ геніяльную мысль тамъ, гдѣ простой

люди видятъ только грубую работу. — «Клянусь Вакхомъ, прекрасно!»

«Глупо! Очень глупо!» сказалъ дровосѣкъ, не посмотрѣвъ даже. «Сажень дровъ, хорошо нарубленныхъ и порядочно сложенныхъ, во сто разъ лучше этого.»

Глаза Антоніо засверкали при похвалѣ дяди; но замѣчаніе отца убило его.

«Однакожъ, другъ мой,» робко произнесла Маріетта, «право, это не дурно сдѣлано. Кажется, я буду усерднѣе молиться передъ этою Мадонною... Не сердись, Аллегри! Посмотри, съ какою любовью склоняетъ Она голову къ Божественному Младенцу...»

«Пусть такъ...» сурово началъ дровосѣкъ... «я не меньше твоего люблю Мадонну, но надобно же жить чѣмъ нибудь; всякій день надобно ѣсть. Вотъ я валяюсь на кровати, не могу работать; этотъ лѣнтяй занимается пустяками, а ты одна выбиваешься изъ силъ, чтобъ кормить насъ троихъ... Хорошо ли это? Такъ ли поступаютъ добрыя дѣти?... Онъ хоть бы себѣ заработывалъ кусокъ хлѣба... Анъ нѣтъ; стругаетъ деревянныя статуйки,

вотъ и все! Повторяю тебѣ, Маріетта, сынъ нашъ — праздный лѣнтяй; онъ даромъ ѣстъ хлѣбъ.»

При этихъ словахъ на лицѣ Антоніо вспыхнуло негодованіе; но онъ быстро подавилъ это чувство, подошелъ къ кровати отца, сталъ на колѣни и сказалъ твердымъ и почтительнымъ голосомъ: «Батюшка, въ другой разъ ты не будешь принужденъ дѣлать мнѣ такой упрекъ...»

«Что ты хочешь сказать?» вскричала Маріетта; материнское сердце ея чуяло бѣду.

«Батюшка правъ,» продолжалъ Антоніо, не перемѣняя своего положенія; «обѣщаю вамъ, что съ нынѣшняго дня не стану ѣсть ни крошки, которой самъ не заработаю.»

«Хорошо, сынъ мой!» сказалъ Аллегри. «Это примиряетъ меня съ тобою; и такъ ты пойдешь завтра на работу?» прибавилъ больной, взялъ сына обоими руками за голову, наклонилъ его къ себѣ и поцѣловалъ.

Антоніо не отвѣчалъ ни слова; Маріетта заплакала и сказала:

«Завтра сынъ нашъ уйдетъ!»

«Развѣ онъ сказалъ тебѣ это?» спросилъ Аллегри.

«Да это можно угадать и безъ словъ!» отвѣчала бѣдная мать.

«И хорошо сдѣлаетъ,» сказалъ Лаврентій; «бываетъ иногда отъ природы къ чему нибудь желаніе; ему непремѣнно надо слѣдовать... Какъ ему быть дровосѣкомъ?... Онъ артистъ и будетъ великимъ артистомъ; попомните мое слово! Да онъ ужъ и теперь довольно хорошо пишетъ вывѣски, транспараны и экраны для печей... Вотъ, намедни, онъ сдѣлалъ вывѣску для продавца дынь; онъ представилъ, что самъ купецъ поѣдаетъ свои дыни; и все это нарисовано такъ живо, такъ естественно! Теперь онъ сдѣлалъ изображеніе Мадонны; это доказываетъ, что онъ кромѣ вывѣсокъ, можетъ еще заниматься лѣпною работой... Онъ пойдетъ далеко; увѣряю васъ!... Отпусти его, братецъ! А ты, сестрица, покорись необходимости. Посмотри на него, Аллегри; въ глазахъ его, на лбу, даже въ самыхъ бровяхъ выражается что-то особенное; такія лица не бываютъ у дровосѣковъ... Я не презираю твоего

состоянія, братецъ, я безъ малѣйшаго противорѣчія отдалъ за тебя сестру свою... но все таки, надо признаться: Антоніо не родился дровосѣкомъ, точно также, какъ я не родился герцогомъ Моденскимъ... Надо покориться необходимости и помочь ему сдѣлаться чѣмъ нибудь лучше... Богъ не оставитъ его!»

«Куда же ты пойдешь?» спросилъ дровосѣкъ своего сына.

«Въ Модену,» отвѣчалъ Антоніо.

«Что съ тобой будетъ? Ты одинъ...»

«Одинъ? отвѣчалъ мальчикъ; а Богъ!»

«Да будетъ Онъ съ тобою!» со вздохомъ сказалъ Аллегри... «Когда же ты отправишься?»

«Когда вы меня благословите, батюшка, и когда маменька обниметъ меня и скажетъ, что не сердится на меня.»

«Можетъ ли мать сердиться на сына?» сказала Маріетта, обняла сына и долго покрывала поцѣлуями и обливала слезами его бѣлокурые локоны.

«Зайди ко мнѣ передъ отъѣздомъ,» сказалъ Лаврентій, выходя изъ комнаты. «Я тебѣ

дамъ палитру и кисти; вотъ все, чѣмъ я могу помочь тебѣ!»

Лаврентій ушелъ; въ хижинѣ всѣ умолкли; была ужъ ночь; но никто не думалъ о снѣ; наконецъ Аллегри сказалъ:

«Ужъ поздно, пора ложиться!»

«На, поужинай, Антоніо!» сказала Маріетта, подавая сыну ломоть хлѣба.

«Ужъ я вамъ сказалъ, маменька, что не дотронусь до хлѣба, пока не заработаю его самъ.»

«Боже мой, какой мальчикъ!» съ досадою вскричала мать.

«Дай Богъ, чтобъ о немъ сказали послѣ: какой человѣкъ!» замѣтилъ дровосѣкъ.

Антоніо съ чувствомъ взглянулъ на отца и пошелъ спать.

III.

Онъ во всю ночь не смыкалъ глазъ, восхищаясь мыслію, что можетъ вполнѣ предаться искусству, о которомъ мечталъ ужъ столько лѣтъ; поднялся еще до свѣта; всѣ спали; онъ хотѣлъ разбудить мать и въ послѣдній разъ обнять ее: но его остановила мысль, что она начнетъ тосковать и плакать. «Не лучше ли уйти безъ прощанья?... На что увеличивать горесть ея, говорилъ онъ самъ себѣ... Дѣлать нечего: скрѣплюсь и уйду такъ, впрочемъ я надѣюсь вернуться въ скоромъ времени и облегчить печальную участь родителей.»

Антоніо съ твердостію прошелъ мимо спящихъ родителей, остановился на мгновеніе; сердце его стѣснилось; слезы полились изъ глазъ и онъ прошепталъ: «Прощайте, до свиданья! «потомъ тихо отворилъ дверь и очутился на улицѣ.

Заря только что занималась; воздухъ дышалъ весеннею свѣжестью и прохладою. — Антоніо бодро пустился въ путь; душа его успокоилась. Подходя къ дому дяди, мальчикъ замѣтилъ его на крыльцѣ, съ палитрою и кистями въ рукахъ. Онъ, видно, поджидалъ путника.

«Хорошо, племянникъ, что ты отправился въ дорогу, а я боялся, что мать уговоритъ тебя остаться... Твое призваніе — быть живописцемъ: слѣдуй ему!... На, вотъ все мое богатство!» прибавилъ Лаврентій, отдавая палитру, кисти и положивъ мелкую серебряную монету въ карманъ племяннику. «Ступай съ Богомъ! Молись Ему усердно!... Онъ помогаетъ сиротамъ, а ты хуже сироты: ты долженъ кормить себя и помогать своимъ бѣднымъ родителямъ... Ступай! Когда будешь въ Моденѣ, спроси, гдѣ школа живописи Франциска Біанки, по прозванью *Le Frari*. Поди къ нему и постарайся попасть въ ученики его... Прощай! Съ Богомъ!» При послѣднихъ словахъ старый живописецъ обнялъ племянника, благословилъ его и, слегка оттолкнувъ отъ

себя, прибавилъ: «Ну ступай же!» потомъ закрылъ свои глаза руками, — крупныя слезы капали сквозь его пальцы.

Антоніо отправился; ему было тяжело; дыханіе съ трудомъ вырывалось изъ груди его. Долго шелъ онъ, не оборачиваясь и когда оглянулся, бѣлыхъ домиковъ Корреджіо ужъ не было видно. Скоро шелъ онъ по широкой равнинѣ, усѣянной цвѣтами, не останавливаясь ни на минуту, наконецъ вошелъ въ рощу апельсинныхъ и лимонныхъ деревъ; благоуханіе ихъ обдало его; онъ хотѣлъ отдохнуть здѣсь: но вдали уже показалось предмѣстье Модены: онъ ускорилъ шаги и въ первый разъ въ жизни вошелъ въ большой городъ.

Антоніо не зналъ, куда идти: улицы пересѣкались во всѣхъ направленіяхъ; народъ сновался туда и сюда; никто не обращалъ на него вниманія. Бѣдный мальчикъ не находилъ ни одного знакомаго лица; онъ почувствовалъ свое одиночество среди шумной толпы гораздо болѣе, нежели утромъ, на пустынной равнинѣ. Тамъ грѣло его солнце; мягкая трава разстилалась подъ его ногами; онъ могъ сорвать

любой цвѣтокъ и наслаждаться его благоуханіемъ: онъ тамъ чувствовалъ, что сорванный цвѣтокъ выросъ для него: . . . а здѣсь, въ городѣ, ничто ему не принадлежало! Первый проходящій сталкивалъ его съ мѣста, освѣщеннаго солнцемъ; онъ долженъ былъ уступать дорогу на мостовой; цвѣты и плоды тутъ находились только для продажи... все это мелькнуло въ душѣ Антоніо и ему стало страшно. Онъ вспомнилъ совѣтъ дяди и сталъ смотрѣть, къ кому бы обратиться съ вопросомъ.

Подлѣ него остановилась торговка съ корзиною, въ которой были апельсины; Антоніо посмотрѣлъ на нее; ей показалось, что онъ хочетъ купить апельсиновъ. Она улыбнулась и предложила ихъ ему. Ласковый видъ ея ободрилъ мальчика и онъ спросилъ:

«Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ живетъ живописецъ Францискъ Біанки *Le Frari*?»

Лице торговки мигомъ измѣнилось и она сердито отвѣчала: «а мнѣ почему знать?» Въ эту минуту проходила мимо богато одѣтая дама; торговка опять приняла слащавую мину и сказала: — «сударыня, купите апельсиновъ!»

Дама подошла, начала выбирать плоды и по временамъ взглядывала на Антоніо, въ чертахъ котораго выражалась робость и застѣнчивость. «Что тебѣ надо, другъ мой?» ласково спросила дама.

Мальчикъ повторилъ вопросъ свой, но еще тише и еще съ большею робостью, чѣмъ прежде.

«Видишь церковь Св. Маргариты?» сказала прекрасная дама, указывая рукою. «Прямо противъ нея, на право, есть перистиль съ четырмя колоннами; между двумя середними найдешь ты рѣзную дверь; ступай туда: тамъ живетъ *Le Frari*..»

«Покорно благодарю, маркиза,» отвѣчалъ Антоніо, который во время разговора пристально глядѣлъ на даму.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на мальчика, который такъ вѣрно угадалъ ея званіе, слѣдила за нимъ глазами и наконецъ сказала: «странно. Можно подумать, что онъ меня знаетъ!» ... Потомъ перестала заниматься мальчикомъ, выбрала плодовъ, сѣла въ карету и уѣхала.

IV.

Антоніо вскорѣ нашелъ рѣзныя двери, но никакъ не могъ найти ручки колокольчика; онъ долго ходилъ взадъ и впередъ, наконецъ замѣтилъ ее и позвонилъ такъ тихо, что почти самъ не слыхалъ этого. Долго ждалъ онъ, но никто не отпиралъ; онъ рѣшился позвонить еще разъ, дернулъ и такъ сильно, что самъ испугался . . . Онъ хотѣлъ убѣжать, но дверь растворилась, старый слуга вышелъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ во всѣ стороны: онъ не могъ понять, кто звонилъ; Антоніо спрятался за колонну.

«Кто жъ это звонилъ?» спросилъ онъ.

«Я!» отвѣчалъ Антоніо, вышелъ и опять отшатнулся: на лицѣ слуги выразились досада и удивленіе.

«Ты! А что тебѣ надобно?» спросилъ онъ гордо.

«Мнѣ надо поговорить съ маэстро Біанки;» отвѣчалъ Антоніо.

«Ты отъ кого?»

«Я отъ себя самого,» отвѣчалъ Антоніо, постепенно ободряясь.

«Отъ себя! Вишь, какой чудакъ!» съ досадой сказалъ старикъ.» И смѣешь такъ звонить, будто маркизъ, или герцогъ?»...

«Я могу сдѣлаться еще чѣмъ нибудь получше;» весело отвѣчалъ Антоніо.

«Какъ! Выше герцога?»

«Я не говорилъ *выше*, а *лучше*, господинъ лакей.»

«А кто можетъ быть лучше?... съ досадою прервалъ его слуга.

«Художникъ! любезный.»

«Художникъ! художникъ!... Они думаютъ, что художникъ значитъ, Богъ вѣсть, что!... Однакожъ ступай за мной, будущій художникъ, художникъ въ миніатюрѣ,» прибавилъ онъ, измѣряя глазами Антоніо.

«Посмотримъ, какъ то приметъ господинъ мой художника безъ рекомендаціи... Ну, ступай!... Чего жъ ты сталъ?»

Послѣднія слова лакея опять возбудили робость въ душѣ Антоніо; онъ до сихъ поръ никогда не бывалъ у людей выше своего состоянія. Боязливо пошелъ онъ за старикомъ, прибирая, чтобы сказать, когда увидитъ маэстро. Онъ старался ободрить себя и перебиралъ въ мысляхъ: «вѣдь, Францискъ Біанки точно такой же человѣкъ, какъ отецъ мой, только онъ богаче и оттого живетъ и одѣвается лучше... Къ тому же Le Frari не приколотитъ, не съѣстъ меня за то, что я осмѣлился придти къ нему.. Къ тому же меня послалъ дядя Лаврентій; бояться нечего! Очень глупо дрожать изъ за пустяковъ!...» Еще множество подобныхъ мыслей приходили бѣдному Антоніо, но нисколько не успокоивали его; когда онъ подошелъ къ дверямъ, то совсѣмъ лишился мужества.

«Синьоръ!» сказалъ лакей, отворяя дверь. Антоніо увидѣлъ длинный рядъ мольбертовъ, а за ними молодыхъ людей различныхъ возрастовъ; по срединѣ залы сидѣлъ сѣдой старикъ и рисовалъ. Не трогаясь съ мѣста, не подымая головы, спросилъ онъ: «что надобно.»

«Вотъ мальчикъ, который желаетъ васъ видѣть,» сказалъ лакей.

«Что ему надобно?» спросилъ *Le Frari*.

«Подойди ближе!...» сказалъ лакей и такъ толкнулъ Антоніо, что бѣднякъ вдругъ очутился возлѣ старика.

«Чтожъ ему надо?» съ досадою повторилъ маэстро.

«Синьоръ... синьоръ...» началъ Антоніо, крупныя капли пота катились съ лица его. Въ залѣ царствовало мертвое молчаніе...

«Ну!» сердито сказалъ старикъ.

«Меня послалъ къ вамъ дядя мой!...» проговорилъ мальчикъ, почти задыхаясь.

«Какой дядя!» спросилъ живописецъ, не поднимая глазъ.

«Синьоръ, у меня только одинъ дядя и есть!»

«Дуракъ! Я не спрашивалъ у тебя о числѣ твоихъ дядей, но объ имени того, который прислалъ тебя?»

«Дядя Лаврентій прислалъ меня!» отвѣчалъ Антоніо.

«Я его не знаю!...» сухо сказалъ Le Frari.

Антоніо остолбенѣлъ: «мой дядя Лаврентій, живописецъ въ Корреджіо...»

«Да развѣ есть живописецъ въ Корреджіо?«

«Ого!» одинъ за другимъ, на всѣ лады, проговорили воспитанники. «Вотъ чудеса!... Живописецъ въ Корреджіо.»

Антоніо отвѣчалъ съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія: «да, синьоръ, въ Корреджіо есть живописецъ; дядя мой дѣлаетъ славныя картины, которыя привѣшиваютъ надъ лавками.»

«О, вывѣсочный живописецъ!... Ты сказалъ бы съ самаго начала...»

Эти слова были произнесены съ такимъ презрѣніемъ, что Антоніо былъ совершенно уничтоженъ.

«Полно болтать!» сурово сказалъ маэстро и тишина возстановилась. Потомъ обратился онъ къ Антоніо, окинулъ его инспекторскимъ взглядомъ, кивнулъ головою и сказалъ: «Прощай!»

«Синьоръ, у меня есть до васъ просьба,» со слезами проговорилъ Антоніо.

«Говори скорѣй и убирайся!»

«Мнѣ сказалъ дядя, что вы примете меня въ свою мастерскую!»

«Что тебѣ здѣсь дѣлать?»

«Картины!»

Опять въ мастерской раздалось со всѣхъ сторонъ: Ого! Вотъ какой чудакъ!» У Антоніо брызнули слезы. «О! умилосердитесь... Примите меня въ число учениковъ... Я буду прилеженъ...«

«А сколько ты можешь платить мнѣ?...» сердито прервалъ его Le Frari.

Вопросъ этотъ, какъ громомъ, поразилъ Антоніо.

«Сколько жъ ты будешь платить мнѣ?» повторилъ живописецъ.

«Примите меня такъ, безъ платы!» съ отчаяніемъ проговорилъ мальчикъ.

«Слуга покорный!» сказалъ маэстро и опять взялся за кисть.

Одинъ изъ учениковъ сжалился надъ несчастнымъ, всталъ съ своего мѣста, взялъ его за руку и вывелъ изъ мастерской, потомъ изъ дома и оставляя его подъ перистилемъ сказалъ: «знай, бѣдный мальчикъ: безъ денегъ въ го-

родахъ не найдешь ни хлѣба, ни учителя, ни слуги, ничего; послушайся меня: вернись туда, откуда ты пришелъ!»

Антоніо окаменѣлъ; онъ не могъ отойти отъ колонны, къ которой подвелъ его ученикъ; даже слезы перестали течь у него.

V

«Боже мой!... Боже мой!» сказалъ наконецъ Антоніо, когда пришелъ въ себя... «Не ужели онъ правъ?... Не ужели мнѣ должно непремѣнно вернуться въ Корреджіо?... Не ужели мнѣ оставаться дровосѣкомъ?... Боже мой, что мнѣ дѣлать?...»

Несчастный мальчикъ хотѣлъ взглянуть на небо; но глаза его невольно остановились на церкви Св. Маргариты. Звонили во всѣ колокола; народъ спѣшилъ къ обѣдни; Антоніо присоединился къ толпѣ и вошелъ въ церковь

съ какою-то боязнію и съ сознаніемъ своего одиночества. Дѣти однихъ лѣтъ съ нимъ становились на колѣни, или подлѣ отца, или подлѣ матери; за ними смотрѣлъ кто нибудь, ихъ берегли отъ толчковъ, имъ выбирали мѣсто по-спокойнѣе,... а онъ былъ одинъ! Одинъ! Еслибъ его даже раздавили на церковномъ помостѣ, никто бы не обратилъ на него вниманія, никто не пожалѣлъ бы о немъ; кто знаетъ, поднялъ ли бы кто нибудь его? Когда онъ входилъ въ церковь, ему, какъ и другимъ, подали святой воды; онъ принялъ ее съ благодарностію: это было первое вниманіе, оказанное ему въ Моденѣ. Къ нравственнымъ страданіямъ присоединились вскорѣ физическія: онъ почувствовалъ голодъ. Антоніо сдѣлалъ двѣ мили и не ѣлъ ничего съ самаго обѣда прошедшаго дня. Однакожъ онъ не обращалъ вниманія на голодъ; онъ только и думалъ о своемъ безпомощномъ состояніи, и безпрестанно повторялъ: «что мнѣ дѣлать?... Куда идти?... Что будетъ со мною?...» Если бъ его кто нибудь спросилъ: что съ тобою? онъ не отвѣчалъ бы: мнѣ хочется ѣсть; но вѣрно сказалъ бы:—

и одинъ на свѣтѣ. — Ему даже иногда хотѣлось вернуться въ Корреджіо; но онъ боялся быть въ тягость своему семейству и къ тому же въ сердцѣ у него все еще звучали слова: онъ даромъ ѣстъ хлѣбъ.

Подобныя мысли кипѣли въ головѣ его; вдругъ раздались звуки органа: музыка протяжная, торжественная успокоила его взволнованныя чувства и пролила утѣшеніе въ растерзанную душу; въ немъ опять родилась надежда.

Помолюся Богу; Онъ внушитъ мнѣ, что дѣлать, подумалъ Антоніо и началъ искать глазами мѣстечка, гдѣ не было бы много народа, гдѣ бы онъ могъ молиться и плакать на просторѣ. Направо отъ него былъ придѣлъ почти совсѣмъ пустой; на бѣломъ мраморномъ алтарѣ стояло скульптурное изображеніе Мадонны. Это была его Мадонна: Она тоже держала на рукахъ Предвѣчнаго Младенца; Она смотрѣла на него съ любовью и благоговѣніемъ; но въ его статуѣ чувство надо было отгадывать, а здѣсь каждая черта дышала

жизнію и выраженіемъ. Антоніо бросился на колѣни и началъ молиться.

Молитва облегчила его душу; но по мѣрѣ успокоенія чувствъ, голодъ становился все сильнѣе и сильнѣе, по временамъ въ глазахъ его темнѣло и онъ ужъ думалъ, что умираетъ. Онъ не пугался смерти и сказалъ тихо: «Боже мой, если я не могу быть полезнымъ, возьми меня къ себѣ и не дай мнѣ быть въ тягость родителямъ!»

Шумъ въ ушахъ его усиливался болѣе и болѣе, въ глазахъ сдѣлалось совсѣмъ темно и онъ упалъ безъ чувствъ на мраморный полъ церкви.

VI.

Антоніо не зналъ, долго ли былъ въ безпамятствѣ; приходя въ себя, онъ почувствовалъ, что лежитъ на чемъ-то мягкомъ, шелковомъ, чья-то легкая, нѣжная рука терла виски и об-

ливала голову его водою: мало по малу началъ рѣдѣть мракъ, его окружавшій; Антоніо открылъ глаза и увидѣлъ прекрасную молодую женщину, въ черномъ платьѣ; она стояла на колѣняхъ и обливала его водою.

«Ты изъ Корреджіо, милый?» сказала она ласковымъ голосомъ.

«Да, синьора,» отвѣчалъ Антоніо, чуть слышно. Молодая женщина подумала, что онъ опять лишается чувствъ и поднесла ему спиртъ.

«Ты, вѣрно, сынъ Маріетты Аллегри? опять спросила она.

«Да, маркиза!» отвѣчалъ мальчикъ, открывая глаза.

«А, ты узнаешь меня?... Не правда ли?... И я тебя узнала сего дня утромъ, когда ты спрашивалъ, гдѣ живетъ Le Frari... т. е. я тебя узнала ужъ послѣ, когда ты былъ далеко.... Зачѣмъ пришелъ ты въ Модену?... Что съ нимъ?»... прибавила маркиза, когда Антоніо во второй разъ лишился чувствъ.

«Кто знаетъ, не голоденъ ли онъ?... сказала другая женщина, подходя къ алтарю.

—«Голоденъ!» вскричала маркиза съ удив-

леніемъ и недовѣрчивостію. Богатые люди не понимаютъ, что такое голодъ.

«Ничуть не мудрено,» прибавила третья женщина.

Мало по малу придѣлъ наполнился народомъ; всѣ тѣснились около прекрасной маркизы и больнаго ребенка; въ толпѣ находилась тоже и торговка съ апельсинами.

«Да, точно не удивительно,» подхватила она;» кто знаетъ, съ которыхъ поръ онъ ничего не ѣлъ... Ужъ утромъ сего дня онъ былъ такой истощенный, слабый... Если позволите, маркиза Гамбара, я подамъ ему одинъ апельсинъ; это, вѣрно, подкрѣпитъ его.»

«Давайте!... О, дайте скорѣе!...» сказала маркиза; схватила плодъ, тотчасъ разломила его, не обращая ни малѣйшаго вниманія, что брызгаетъ на червое бархатное платье свое и на малиновую тоже бархатную подушку, на которой лежалъ блѣдный, безчувственный Антоніо. Она пожала апельсинъ и такимъ образомъ впустила нѣсколько капель соку въ ротъ мальчику. Лице его ожило; онъ

снова пришелъ въ себя, съ жадностью схватилъ апельсинъ и съѣлъ его съ корою.

«Ахъ, Боже мой! Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ голоденъ»... печально сказала маркиза... «Бѣдный! Поскорѣе, Паоло!» прибавила она, обращаясь къ своему слугѣ, который тутъ стоялъ; «отнеси его въ мою карету и поѣдемъ домой.» Но Антоніо всталъ самъ, поблагодарилъ маркизу и далъ торговкѣ деньги, полученныя отъ дяди.

«Такъ у тебя были деньги; отчего жъ ты не ѣлъ?» спросила его маркиза.

«Я не думалъ о ѣдѣ, синьора,» отвѣчалъ Антоніо, принимая сдачу отъ торговки.

«О чемъ же ты думалъ, умирая съ голоду?» спросила маркиза.

«Объ отцѣ... о матери... о томъ, какъ бы найти работу и о томъ, что не найду ея,» отвѣчалъ Антоніо.

«Пойдемъ со мною, бѣдненькій,» ласково сказала маркиза... пойдемъ, ты мнѣ разскажешь дома, что тебѣ надобно... ты найдешь покровителей; ты набоженъ, скроменъ и тихъ!»

Прекрасная, нарядная маркиза взяла за руку

бѣднаго мальчика, сѣла вмѣстѣ съ нимъ въ карету и поѣхала. Народъ между тѣмъ толпился на паперти и удивлялся, что богатая дама дѣлаетъ добро.

VII.

Пріѣхавъ въ свой дворецъ, маркиза тотчасъ велѣла накрыть столъ и при себѣ накормить Антоніо. После обѣда Антоніо чистосердечно разсказалъ ей всѣ происшествія послѣднихъ трехъ дней и заключилъ словами: «отецъ мой правъ: я никуда не гожусь и не приношу никакой пользы.»

«Однакожъ мнѣ кажется, рубить дрова не мудрено,» замѣтила маркиза. — Она предвидѣла, какъ трудно будетъ ему выйти изъ своего состоянія и хотѣла отклонить его отъ этого намѣренія.

«Правда, синьора маркиза; но работа нейдетъ, когда думаешь о другомъ.»

«Вѣдь ты не головою же, а руками рубишь,» улыбаясь сказала маркиза.

Мальчикъ покачалъ головою; но не сказалъ ни слова; маркиза хорошо поняла это молчаніе и продолжала: «ты думаешь, я не понимаю тебя? . . . Ошибаешься, другъ мой; . . . мнѣ бы хотѣлось только избавить тебя отъ множества непріятностей, которыя тебѣ встрѣтятся... Ты не хочешь вернуться въ Корреджіо?... хочешь ли поступить въ мастерскую *Le Frari*?»

«Какимъ образомъ?» спросилъ Антоніо и покраснѣлъ.

«Пойдемъ!» сказала маркиза.

Они сѣли въ карету и маркиза велѣла ѣхать къ Франциску Біанки.

«Хорошо, что тебѣ вздумалось зайти въ придѣлъ Богородицы,» дорогою сказала маркиза. «Я всегда молюсь тамъ; я тотчасъ узнала тебя и ждала, пока ты окончишь молитву; но ты становился все блѣднѣе, блѣднѣе и наконецъ лишился чувствъ.»

«Тамъ я поставлю первую картину свою,» отвѣчалъ Антоніо.

«Если она будетъ хороша, то я куплю ее и сама поставлю ее; но. . .»

«Вы сомнѣваетесь? прервалъ ее мальчикъ. Карета остановилась; маркиза взяла мальчика за руку, подошла къ дверямъ и позвонила; старый слуга тотчасъ узналъ маркизу Гамбара, широко распахнулъ обѣ половинки дверей и почтительно проводилъ ее до мастерской. Le Frati былъ одинъ; всѣ ученики уже ушли.

«Маэстро! Будьте покровителемъ и учителемъ этого маленькаго Корреджіо.» сказала маркиза.

«А, онъ изъ Корреджіо? Съ вашей родины, синьора?» спросилъ живописецъ, осматривая съ головы до ногъ Антоніо, какъ будто не видалъ его прежде.

«Да, маэстро,» сказала маркиза: «я принимаю большое участіе въ этомъ мальчикѣ; онъ ужъ не много рисуетъ; прошу васъ, примите его въ число учениковъ вашихъ и дайте ему работу. . . За ученье, столъ, платье и квартиру плачу я. . . Онъ останется у васъ; мнѣ надобно воротиться въ Корреджіо. . . мнѣ хочется, чтобъ онъ, подъ руководствомъ вашимъ, написалъ картину, которую я заказала ему.

«Заказали картину ребенку!»... съ удивленіемъ вскричалъ Le Frari... «позвольте замѣтить»...

«Что для этого надобно было обратиться не къ ученику, а къ учителю,» прервала его маркиза... Знаю, маэстро... да ужъ позвольте, это мой капризъ»...

«И очень похвальный, синьора; у меня самого родился капризъ: — съ завтрашняго дня я посажу его за полотно и не стану заставлять только тереть краски, какъ это обыкновенно водится во всѣхъ первоклассныхъ мастерскихъ... Если у него точно есть расположеніе къ живописи, какъ можно предполагать по чертамъ лица его, то... Довольны ли вы, маркиза?...»

Она отвѣчала наклоненіемъ головы, исполненнымъ благодарности, потомъ спросила: «доволенъ ли ты, Антоніо?»

Онъ со слезами бросился на колѣни и поцѣловалъ край платья своей благодѣтельницы.

«До свиданія, мой маленькій Корреджіо,... когда ты окончишь картину, принеси ее во дворецъ Гамбара.» Маркиза простилась съ

Le Frari, потрепала по плечу Антоніо и уѣхала.

Всѣ желанія и надежды Антоніо Аллегри исполнились: онъ въ мастерской живописца; вездѣ, куда ни глянетъ: мольберты, начатыя, полуоконченныя и совсѣмъ отдѣланныя картины различной величины. Тутъ и постлали ему постель; онъ во всю ночь не смыкалъ глазъ. Лишь только начало разсвѣтать, Антоніо всталъ, выбралъ натянутое полотно, наложилъ краски на палитру и принялся за работу.

Когда учитель и ученики вошли въ мастерскую, они застали Антоніо передъ оконченнымъ эскизомъ; онъ прыгалъ, припѣвая: «Браво, Корреджіо! Смѣлѣй, Корреджіо!»

«Корреджіо!» повторили хоромъ ученики и окружили маленькаго художника, который не зналъ, куда дѣваться отъ стыда.

Съ этихъ поръ его иначе не называли, какъ Корреджіо.

VIII.

Первая картина Антоніо была Вознесеніе Божіей Матери; онъ началъ ее въ воспоминаніе своей Мадонны, которая была причиною его удаленія изъ отеческаго дома; къ тому же у подножія алтаря Мадонны нашла его маркиза. Два мѣсяца работалъ онъ усердно, безостановочно; ничто не можетъ сравниться съ восторгомъ, когда онъ окончилъ картину; молодой художникъ, съ согласія учителя, взялъ ее и отправился во дворецъ къ маркизѣ Гамбара. Зной въ этотъ день былъ невообразимый; никто не показывался на улицахъ.

«Дома маркиза?» спросилъ Антоніо у человѣка, хорошо одѣтаго, который выходилъ изъ дворца.

«Она отправилась путешествовать и теперь вѣрно въ Парижѣ;» отвѣчалъ незнакомецъ. На улицѣ Антоніо выразилась печаль обманутой

надежды. Замѣтивъ это, незнакомецъ торопливо спросилъ: «Позвольте узнать, кто вы, и что вамъ угодно? Я управляющій маркизы и могу написать ей.»

«Я сынъ Аллегри, изъ Корреджіо,» почти со слезами сказалъ Антоніо.

«Пожалуйте! У меня есть приказаніе касательно васъ.»

Антоніо пошелъ за управляющимъ во дворецъ. Войдя въ свою комнату, управляющій сѣлъ къ столу, выдвинулъ ящикъ, гдѣ были деньги и сказалъ:

«Вы вѣрно за деньгами, отъ маэстро Франциска Біанки.»

«Нѣтъ; я пришелъ только поднести маркизѣ первый трудъ свой, какъ Евреи приносили Богу первые плоды своихъ полей и виноградниковъ.»

«А, вы знаете Священное Писаніе: это доброе дѣло и принесетъ вамъ счастіе,» улыбаясь сказалъ управляющій.» Мнѣ приказано, если вы принесете картину, купить ее, не разбирая, хороша, или дурна она... Что это у васъ? Вѣрно, картина...»

«Да, сударь!»

Управляющій взялъ картину, поставилъ ее на столъ и спросилъ: «что жъ тутъ представлено!»

«Вознесеніе Божіей Матери,» отвѣчалъ Антоніо.

«А! А! Это жъ что за люди, тутъ, внизу? у нихъ на лицахъ изображено удивленіе.

«Это апостолы!»

«О! О! А эти вверху, которые радуются?»

«Это праведники,» отвѣчалъ Антоніо.

«У! Ну, а дѣти, которые окружаютъ со всѣхъ сторонъ Божію Матерь?»

«Это ангелы, сударь!»

«Ахъ! . . . Народу-то множество, и это очень затрудняетъ меня.»

«Чѣмъ же это затрудняетъ васъ?» съ улыбкою спросилъ Антоніо.

«Вотъ въ чемъ дѣло: когда маркиза уѣзжала изъ Модены, то сказала мнѣ: «если маленькій Корреджіо придетъ безъ меня и принесетъ нарисованную головку, то ты ему дай сто франковъ.» — А если онъ принесетъ двѣ головки? спросилъ я.—» Ну, такъ ты дай двѣсти фран-

ковъ,» отвѣчала маркиза... А въ этой картинѣ, по крайней мѣрѣ, сто головъ, и я не думаю, чтобъ она хотѣла заплатить за нее столько денегъ.»

«Маркиза, вѣрно, приказала платить по сту франковъ за картину,» замѣтилъ Антоніо.

«Нѣтъ, именно за каждую голову сто франковъ.»

«Должно быть за картину, сударь! Успокойтесь, я очень доволенъ такою платою!»...

«Послушайте, прервалъ его управляющій:» я дамъ вамъ сто франковъ, но напишу маркизѣ...»

«Что я больше не требую»... съ живостью подхватилъ Антоніо... «Я немедленно понесу деньги своимъ родителямъ.»

«Въ такой зной?»

«Я стану думать о свиданіи съ матерью и это подкрѣпитъ меня.»

«До Корреджіо слишкомъ два часа ходьбы.»

«Ласка отца заставитъ меня забыть усталость.»

«Все таки вамъ придется ждать до завтра: у меня только мѣдныя деньги...»

«Я не могу ждать ни минуты, синьоръ!» сказалъ Антоніо почти сквозь слезы.

«Впрочемъ, это ваше дѣло!» отвѣчалъ управляющій, отсчиталъ сто франковъ мѣдными деньгами, всыпалъ ихъ въ мѣшокъ, связалъ, помогъ Антоніо взвалить ихъ на плечи, пожелалъ ему добраго пути и проводилъ до воротъ.

Аллегри пошелъ по дорогѣ въ Корреджіо; былъ полдень; солнце палило; нигдѣ ни малѣйшей тѣни.

IX.

Антоніо весело и бодро подвигался впередъ; потъ катился съ него градомъ, но онъ не замѣчалъ ни жара, ни тяжелой ноши своей; отдаленные раскаты грома не пугали его. Но возвратимся въ хижину Аллегри, куда опять собрались отецъ, мать и дядя его. Была уже

ночь; гроза утихла; только дождь еще не совсѣмъ пересталъ. Разговоръ шелъ прежде о грозѣ, потомъ обратился къ Антоніо, какъ это бывало каждый день.

«О немъ все еще нѣтъ никакого извѣстія?» спросилъ Лаврентій.

«Нѣтъ еще,» со вздохомъ отвѣчала Маріетта.

«Да, видно, ему плохо! сказалъ отецъ... Охъ, еслибъ Богъ порадовалъ меня какою нибудь вѣстью о немъ, я вѣрно тотчасъ выздоровѣлъ бы.

«И былъ бы сытъ цѣлую недѣлю, а тамъ пошелъ бы въ лѣсъ и»... сказалъ Лаврентій.

«Странно!» прервала его Маріетта, прислушиваясь; «вы будете смѣяться надо мною: но мнѣ показалось, что кто-то вздохнулъ—точно, какъ Антоніо!»

«Представь себѣ, Лаврентій! Съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ сыномъ, въ каждомъ шумѣ вѣтра женѣ слышится голосъ его.»

«Опять! сказала Маріетта, не обращая вниманія на слова мужа.» О, теперь я не ошиблась! Точно такъ вздыхалъ Антоніо, когда былъ маленькій!»

«Полно, Маріетта! прервалъ ее Лаврентій; твой сынъ ужъ не маленькій, ему шестнадцатый годъ.»

«Боже мой, ну если онъ...» Бѣдная мать не договорила; но смертная блѣдность, покрывшая лице, ясно высказала мысль ея.

«Ты съ ума сошла!» сказалъ Лаврентій.

Видно такія же печальныя мысли пришли на умъ и отцу; онъ закрылъ лице руками и прошепталъ: «два мѣсяца... и ни какой вѣсти! .. Зачѣмъ я отпустилъ его?»

«Да что вы въ самомъ дѣлѣ?» сказалъ Лаврентій сердито. «Писать онъ не умѣетъ; а гдѣ ему взять денегъ, чтобъ нанять слугу и прислать сказать вамъ: я живъ и здоровъ!...

Лучше ждите его съ часу на часъ: онъ вернется къ вамъ милліонеромъ. Кто знаетъ, ужъ не встрѣчусь ли я съ нимъ...»

Съ этими словами Лаврентій всталъ, подошелъ къ дверямъ, отворилъ ихъ, чтобъ посмотрѣть, какова погода, переступилъ черезъ порогъ и вскричалъ:

«Боже мой, мертвецъ!»

«Это сынъ мой!» вскричала Маріетта, бро-

силась къ порогу и встрѣтилась съ Лаврентіемъ, который несъ мертваго.

«Антоніо!» въ одинъ голосъ простонали всѣ, лишь только лампа освѣтила лице его.

— «Онъ еще дышитъ! Онъ не умеръ!» сказалъ Лаврентій, оттирая мальчика. . .

«Его, вѣрно, вымочилъ дождь, когда онъ вспотѣлъ. . . Братецъ, я положу его въ твою постель. . . въ теплотѣ онъ очнется.»

Антоніо положили въ постель и черезъ нѣсколько мгновеній, онъ открылъ глаза; посмотрѣлъ вокругъ себя; узналъ отца, мать, дядю и сталъ шарить около себя. «Гдѣ мои деньги?» были первыя слова его.

«Ужъ не въ томъ ли мѣшкѣ, который остался тамъ, на дворѣ?» сказалъ Лаврентій, вышелъ и тотчасъ вернулся съ мѣшкомъ.

«Возьмите, это вамъ, батюшка, маменька и дяденька.

Родители плакали навзрыдъ: «такъ ты, видно, разбогатѣлъ?» спросилъ Лаврентій.

«Это я получилъ за первую картину свою, отвѣчалъ Антоніо.» Тутъ сто франковъ!» . . .

«Сто франковъ! вскричалъ дядя, мнѣ никогда по стольку не платили.»

«Потому что ваши картины очень дурны!» простодушно отвѣчалъ ученикъ Франциска Біанки.

«Быть можетъ, племянникъ!» сказалъ дядя.

Антоніо разсказалъ свои приключенія и никто въ эту ночь не думалъ о снѣ. Даже Лаврентій ни какъ не рѣшался идти домой. Только къ утру глаза мальчика невольно смыкались отъ усталости.

«Покойной ночи, Антоніо!» сказали ему родители и дядя.

«Антоніо! Такъ меня давно не называли?»

«Какъ же тебя тамъ зовутъ?» спросили его.

— «Корреджіо!» отвѣчалъ онъ; но голова его упала на подушку и онъ заснулъ.

X.

Подъ руководствомъ Франциска Біанки, Корреджіо занимался тоже и ваяніемъ. До сихъ поръ сохранилось нѣсколько статуй его работы; въ нихъ видна правильность рисунка и мягкость обработки. Первая картина, обратившая на молодаго художника особенное вниманіе знатоковъ, былъ образъ Антонія, написанный въ 1512 году. Утверждаютъ, что Корреджіо не бывалъ ни въ Римѣ, ни въ Венеціи, гдѣ тогда только и можно было познакомиться съ произведеніями знаменитыхъ художниковъ; однакожъ, не смотря на это, онъ достигъ высокой степени совершенства и живопись обязана ему многими улучшеніями.

Еще въ молодости попалась ему картина Рафаэля; онъ долго разсматривалъ ее и воскликнулъ съ негодованіемъ: «И я тоже считаюсь живописцемъ!»

Людовико Караччи часто говорилъ своимъ двоюроднымъ братьямъ Аннибалу и Августу: «Изучайте произведенія Корреджіо: въ нихъ столько величія и вмѣстѣ столько прелести!»

Корреджіо особенно любилъ изображать дѣтей отъ 3 до 6 лѣтъ. Въ прогулкахъ своихъ онъ обыкновенно останавливался тамъ, гдѣ ихъ бывало много, изучалъ ихъ формы, слѣдилъ чувства, такъ живо выражающіяся на младенческихъ лицахъ. Въ нихъ все занимало его: въ играхъ онъ приглядывался къ движеніямъ дѣтей, то быстрымъ, то медленнымъ, и всегда граціознымъ; онъ изучалъ перемѣны въ чертахъ ихъ живыхъ физіономій, въ которыхъ такъ ясно отсвѣчиваются непритворная радость, печаль, гнѣвъ и т. п. и изъ всего извлекалъ пользу для своего искусства.

Корреджіо никогда не былъ богатъ; самыя лучшія произведенія своей кисти продавалъ онъ очень дешево. У него была только одна цѣль — помогать родителямъ; онъ отдавалъ имъ все, что получалъ... Въ 1534 году, когда ему было сорокъ лѣтъ, отправился онъ въ Парму, чтобы получить сколько-то денегъ; ему

ихъ выдали, но изъ нихъ 200 франковъ — были мѣдью; онъ взялъ ихъ и понесъ въ Корреджіо, къ родителямъ. На этотъ разъ усталость не прошла отъ сна, какъ тогда, когда ему было 15 лѣтъ; онъ занемогъ и вскорѣ умеръ.

Во всѣхъ произведеніяхъ Аллегри естественность соединена съ красотою и величіемъ. Онъ какъ будто хотѣлъ исполнить древній ѳивскій законъ, предписывавшій всѣмъ ваятелямъ и живописцамъ изображать только прекрасное. Всѣ женскія лица у Корреджіо исполнены неземной прелести, а дѣти на его картинахъ совершенные ангелы.

UNIVERSITY

ДАВИДЪ ТЕНІЕРЪ.

Отдайте мнѣ эту картину за три червонца.

валъ ее къ булкамъ; но при малѣйшемъ д

ДАВИДЪ ТЕНІЕРЪ.

I.

21-го іюня 1625 года, около полудня, молодой человѣкъ лѣтъ пятнадцати переходилъ черезъ одну изъ антверпенскихъ площадей. Взглянувъ случайно на булочную, находившуюся вблизи, онъ остановился и началъ пристально смотрѣть на другаго молодаго человѣка, котораго физіономія носила на себѣ отпечатокъ нищеты и разврата; платье на немъ было въ лохмотьяхъ, глаза его мутны и безжизненны; онъ жадно смотрѣлъ на румяныя булки, выставленныя въ окнахъ и по временамъ боязливо оглядывался вокругъ себя; рука его какъ бы слѣдовала за движеніемъ глазъ; онъ протягивалъ ее къ булкамъ; но при малѣйшемъ дви-

женіи въ лавкѣ, отходилъ въ сторону и потомъ опять принимался за то же.

Первый изъ молодыхъ людей съ лихорадочнымъ безпокойствомъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ незнакомца. Помѣшать ли ему украсть, или пройти мимо, какъ другіе, не обращая вниманія на эту драму? Первое чувство взяло, по видимому, верхъ: онъ пошелъ прямо къ незнакомцу, но, взглянувъ на него съ удивленіемъ, вскричалъ:

«Ванъ-Германъ!»

Незнакомецъ, обернувшись, отвѣчалъ:

«Я васъ не знаю, М. Г.»

— «Какъ! ты не знаешь меня, Давида Теньера, котораго въ школѣ вы всѣ звали *Юніоръ*, *младшій*. Развѣ ты забылъ отца моего, тоже Давида Теніера, прозваннаго вами *старымъ*, хотя онъ былъ еще довольно молодъ? я помню, какъ бывало ты сердился, когда отецъ мой писалъ съ тебя картины, какъ съ натурщика и вѣрно по этому теперь не ходишь ко мнѣ; но странно, что ты не узнаешь стараго товарища; не ужели два года такъ измѣнили меня? ты больше моего выросъ и больше перемѣнился; скажу даже,

что ты постарѣлъ; лице у тебя блѣдное, щеки впали и... молодой Теніеръ остановился; онъ не рѣшался сказать, что былъ свидѣтелемъ всей сцены у булочной... но отъ чего же въ тебѣ такая перемѣна? продолжалъ онъ; что съ тобой случилось? Мнѣ помнится, ты собирался ѣхать въ Остенде, гдѣ отецъ твой нашелъ для тебя мѣсто на перчаточной фабрикѣ... ты видишь, Ванъ-Германъ, что память у меня хороша...»

— Милостивый Государь, отвѣчалъ блѣдный и дурно одѣтый молодой человѣкъ, это имя...

—« Что? не твое... сказалъ Теніеръ, схвативъ его за руку, и прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, онъ засучилъ ему рукавъ и указавъ на большой рубецъ на рукѣ, продолжалъ: не ужели ты забылъ и это происшествіе? помнишь, какъ воруя однажды яблоки у Спакмана, ты упалъ и ранилъ себѣ руку?... Полно, Ванъ-Германъ; стыдно не узнавать друзей своихъ.»

Молодой человѣкъ, послѣ этой улики, не смѣлъ отпираться и съ потупленнымъ взоромъ отвѣчалъ:

Нечего дѣлать: надобно признаться: я умы-

шленно не узнавалъ тебя... Ахъ, Юніоръ, сколько горя довелось перенести мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались?...

—«Ты разскажешь мнѣ все это за бутылкой пива; пойдемъ закусить,» сказалъ Теніеръ, и взявъ его подъ руку, повелъ въ ближайшій трактиръ.

—«Хлѣба и пива,» закричалъ онъ, садясь съ товарищемъ своимъ за столъ.

— Спроси, сдѣлай милость, кусокъ баранины, или говядины; я ужасно голоденъ, сказалъ Ванъ-Германъ, физіономія котораго начинала принимать обычное ей выраженіе наглости.

При этомъ нескромномъ требованіи, Теніеръ сначала нѣсколько задумался, но потомъ сказалъ мальчику, ожидавшему его приказаній: «Развѣ ты не слышишь!»

— Да прибавь еще кусокъ сыру, закричалъ Ванъ-Германъ въ слѣдъ уходившему слугѣ.

Мальчикъ, принеся завтракъ, вышелъ изъ комнаты; Теніеръ сказалъ своему товарищу:

«Ну, разскажи же мнѣ, что съ тобой случилось въ эти два года, Ванъ-Германъ.»

— Вотъ что, отвѣчалъ онъ, жадно пожирая

завтракъ: — полагая, что я уже не ребенокъ и самъ могу доставать себѣ хлѣбъ, отецъ мой....

«Да, вѣдь, тебѣ было тогда 18 лѣтъ,» прервалъ его Теніеръ.

— Именно; отецъ приказалъ мнѣ пріѣхать въ Остенде и тамъ объявилъ, что съ этихъ поръ я долженъ заботиться самъ о себѣ, что онъ сыскалъ мнѣ мѣсто письмоводителя у фабриканта Асверуса, что черезъ годъ мнѣ назначатъ жалованье, а потомъ... быть можетъ... примутъ товарищемъ по торговлѣ...

—«Какъ это выгодно!» сказалъ Теніеръ.

— Бутылку пива! закричалъ Ванъ-Германъ;— за твое здоровье, Юніоръ, прибавилъ онъ, наливая стаканы.

—«Благодарю: мнѣ не хочется пить, отвѣчалъ Теніеръ; окончи же свою исторію; я, право, не понимаю, какъ при такихъ блестящихъ надеждахъ ты бродишь по улицамъ и...»

— Воруешь хлѣбъ, договорилъ Ванъ-Германъ; не церемонься, сдѣлай милость, со мной; я и самъ знаю, что красть дурно...

Все это сказано было съ такою безпечностію,

776004 A

что молодой Теніеръ остолбенѣлъ отъ удивленія, и когда товарищъ его захохоталъ, онъ вздрогнулъ съ чувствомъ отвращенія, но, скрывъ свое негодованіе, сказалъ:

«Ну, продолжай.»

— Такъ прошелъ годъ, отецъ мой умеръ, не оставивъ... Мальчикъ, еще бутылку!.. не оставивъ; чѣмъ заплатить за это пиво, прибавилъ онъ, наливая стаканъ... чортъ возьми!.., я надѣялся на наслѣдство; у меня были долги; тогда же по несчастію мнѣ дали выгодное мѣсто...

—«По несчастію?» повторилъ Юніоръ.

— Увидишь, сказалъ Ванъ-Германъ жалобнымъ голосомъ; въ это время умеръ нашъ кассиръ; хозяинъ сказалъ мнѣ: я доволенъ тобою, Ванъ-Германъ, и даю тебѣ мѣсто покойнаго Герца: оно вдвое выгоднѣе твоего...

—«Вотъ уже прямо несчастіе!» сказалъ, улыбнувшись Теніеръ.

— Да, да, несчастіе, отвѣчалъ бывшій кассиръ.— Мальчикъ! Бутылку пива... — потому что, имѣя безпрестанно деньги, я невольно думалъ о своей бѣдности. Ты совсѣмъ не пьешь!—

Прибавь къ этому, что заимодавцы не давали мнѣ покоя, грозили тюрьмой!...—Какъ малы здѣсь бутылки. — И вотъ однежды я занялъ у хозяина своего небольшую сумму; въ записной книгѣ подскоблилъ цифры; но онъ на память считалъ лучше, чѣмъ я на бумагѣ; обманъ открылся; отпереться было нельзя и...

—«Онъ осыпалъ тебя упреками!...» сказалъ Теніеръ.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ спокойно Ванъ-Германъ. — Мальчикъ, пива! — Онъ взялъ меня за руку, вывелъ на улицу и, толкнувъ, сказалъ: ступай къ черту!... Теперь ты видишь меня здѣсь... Ну, а ты, что дѣлаешь съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались? спросилъ отставной кассиръ.

Теніеръ сухо отвѣчалъ:

—«Отецъ мой живописецъ, и я тоже.»

— Это не дурно.

—«Сколько тебѣ надобно?» спросилъ Теніеръ мальчика, который провожалъ въ залу другаго посѣтителя.

— Червонецъ; отвѣчалъ слуга.

Теніеръ, порывшись въ карманѣ, вынулъ

Добрый молодой человѣкъ! вскричалъ онъ; не ужели сего дня вы не поможете мнѣ? я ничего еще не выработалъ; а мать моя больна.

— Мать твоя вѣрно больна лѣностію, какъ и ты, грубо сказалъ ему Германъ; въ такомъ случаѣ ее не вылечишь.

—«Если ты не можешь помочь этому мальчику, по крайней мѣрѣ не оскорбляй его;» сказалъ съ досадою Теніеръ;» можно ли называть лѣнтяемъ того, кто кормитъ слѣпую мать?»

— Волынкой? — Нечего сказать, славное ремесло! сказалъ Германъ.

—«По его лѣтамъ и этого довольно; онъ дѣлаетъ, что можетъ... На... Арманъ!...» Теніеръ далъ ему мелкую монету.

— Дѣло! сказалъ Германъ; послѣднія деньги!

— Господь Богъ да наградитъ васъ за доброе сердце; о! онъ наградитъ за все... Скажите, сдѣлайте милость, какъ васъ зовутъ: я каждый вечеръ буду молиться о вашемъ благополучіи.

— Это поможетъ вамъ обоимъ! насмѣшливо замѣтилъ Германъ.

— Ваше имя, добрый молодой человѣкъ!

повторилъ маленькій музыкантъ, не обращая вниманія на насмѣшки Германа.

—«Теніеръ...»

— Который? старшій, или младшій? спросилъ простодушно мальчикъ.

— Старшій! сказалъ съ усмѣшкою Германъ.

—«Молись за обоихъ, любезный Арманъ: отвѣчалъ Теніеръ; старшій—отецъ мой.»

— Ну что, получилъ ли ты отъ этого сколько нибудь червонцевъ?—сказалъ Германъ послѣ минутнаго молчанія.

—«Быть можетъ и получу,» отвѣчалъ Теніеръ, кликнувъ слугу.—«Большой листъ бѣлой бумаги и карандашъ!» сказалъ онъ.

Мальчикъ исполнилъ приказаніе.

III.

«Арманъ! подойди ближе;» сказалъ Теніеръ; «стань здѣсь... нѣтъ... подальше, къ свѣту; держи волынку такъ, какъ будто играешь, но

въ самомъ дѣлѣ не играй... хорошо... хорошо!... Стой же смирно! . . .»

Теніеръ началъ рисовать.

Не понимаю, къ чему все это приведетъ насъ, сказалъ Ванъ-Германъ.

—«На Бога надѣйся, а самъ неплошай,» отвѣчалъ, улыбаясь, молодой Теніеръ.

— Увидимъ, чѣмъ все это кончится, повторилъ Германъ.

—«Увидимъ.»

Послѣ этого всѣ умолкли; карандашъ бѣгалъ по бумагѣ; Теніеръ работалъ съ жаромъ; Германъ качался на стульяхъ, уставивъ глаза въ потолокъ, а иностранецъ, который лишь притворялся спящимъ, всталъ съ мѣста и тихо подошелъ къ молодому художнику.

Лошади поданы, милордъ! доложилъ слуга, войдя въ комнату.

—«И мой рисунокъ готовъ,» сказалъ Теніеръ, подписывая подъ нимъ свое имя.

—«Мальчикъ!»-закричалъ онъ слугѣ; «возьми эту бумагу, отнеси ее въ магазинъ Ебрарда; онъ дастъ тебѣ червонецъ, который ты возь-

мешь за пиво и завтракъ; — денегъ у меня нѣтъ.»

— Иностранецъ предупредилъ мальчика и, схвативъ рисунокъ, сказалъ Теніеру: отдайте мнѣ эту картину за три червонца.

— Ахъ! Богъ услышалъ мою молитву; сказалъ маленькій музыкантъ со слезами.

— Хорошо, хорошо, прибавилъ Лордъ Фальтонъ, подавая ему серебряную монету; это для твоей матери; потомъ, обратившись къ Теніеру, который стоялъ въ смущеніи, сказалъ ему: теперь рисунокъ мой?

—«Вы очень щедры, Милордъ!» отвѣчалъ Теніеръ, принимая отъ него деньги.

— Милордъ, лошади поданы, сказалъ другой слуга, входя въ комнату.

— Сей часъ! отвѣчалъ Англичанинъ; дайте мнѣ вашу руку, молодой другъ мой; вы прекрасный, благородный, достойный человѣкъ, однимъ словомъ—артистъ. Я Лордъ Фальтонъ; если случай приведетъ васъ въ Лондонъ, заходите ко мнѣ: я васъ уважаю не только какъ хорошаго артиста, но какъ благороднаго человѣка.

По отъѣздѣ Англичанина Теніеръ отдалъ одинъ червонецъ за пиво и завтракъ и, подавая остальные два Ванъ-Герману, сказалъ:

—«Возьми это; если я не повторяю тебѣ въ слухъ послѣднихъ словъ бывшаго твоего хозяина, то говорю ихъ про себя. . . прощай; я забылъ, какъ тебя зовутъ; не вспоминай и ты моего имени.»

Въ послѣдствіи Теніеръ усовершенствовался въ своемъ искусствѣ: занимаясь нѣсколько времени списываніемъ копій съ картинъ Тинторета и Рубенса, онъ сталъ работать съ натуры. Съ этой эпохи начинается его слава. Теніеръ былъ кротокъ и добръ; въ домѣ у него собирались артисты, вельможи и знатные иностранцы. Донъ-Жуанъ Австрійскій былъ его другомъ и ученикомъ. Теніеръ умеръ въ Брюсселѣ, въ 1690 году 80 лѣтъ отъ роду.

ЕСТЕБАНЪ МУРИЛЛО.

Я даю тебѣ двадцать; довольно-ли?

леми; онъ ничѣмъ не занимается, вотъ

БАРТЕЛЕМИ ЭСТЕБАНЪ МУРИЛЛО.

I.

Всходило солнце; изъ небольшаго домика на одной многолюдной улицѣ Севиллы вышелъ мужчина среднихъ лѣтъ; по блѣдному лицу его и нетвердой походкѣ, легко было замѣтить, что онъ недавно освободился отъ продолжительной болѣзни. За нимъ шла молодая женщина.

Она остановилась на порогѣ дома, между тѣмъ какъ Испанецъ расправлялъ складки своего плаща. «Если ты не устанешь, другъ мой, сказала она, дойди до лавки Озоріо и скажи ему, что картины еще не готовы; право, я не понимаю, что сдѣлалось съ нашимъ Бартелеми; онъ ничѣмъ не занимается, вотъ уже

шесть мѣсяцевъ... Донъ Мигуель и Маркизъ Сильва заказали ему флаги, а онъ за нихъ и не принимался; картины для Озоріо тоже недописаны.»

— Теперь зрѣніе у меня поправилось; черезъ нѣсколько времени я въ состояніи буду работать и тогда помогу ему, Терезина.

— Но я хочу знать, гдѣ онъ проводитъ время; прежде онъ былъ такъ трудолюбивъ: бывало, только что закажутъ ему флаги, онъ тотчасъ же раскраситъ ихъ... Боже мой! Ну что, если онъ испортился?

— Всегда ли онъ выходитъ изъ дому въ полдень?...

— Иногда и раньше, другъ мой.

— Знаешь ли ты, гдѣ онъ бываетъ, жена?

— Я не рѣшаюсь спросить объ этомъ, Эстебанъ: боюсь, что онъ солжетъ.

— Зачѣмъ же думать, что солжетъ, Терезина?

— Онъ, можетъ быть, не станетъ отвѣчать прямо, Эстебанъ; слѣдовательно нарушитъ должное ко мнѣ уваженіе, чего я тоже не хочу.

— Можетъ статься, онъ скажетъ правду; отвѣчалъ Эстебанъ.

Умная и благочестивая мать покачала головой.

Если бы онъ хотѣлъ сказать, гдѣ бываетъ, то не дожидался бы моего спроса, — продолжала она: — впрочемъ я, быть можетъ, несправедливо подозрѣваю его, . . . всѣ выработанныя деньги онъ отдаетъ мнѣ; въ продолженіе шестимѣсячной болѣзни твоей, Бартелеми одинъ содержалъ весь домъ; — я немного получала за свое кружево, а сколько переплачено доктору, въ аптеку!... Если я безпокоюсь о немъ, такъ это по тому, другъ мой, что сердце матери боязливо; часто онъ поздно возвращается домой...

— У насъ въ Севиллѣ смирно, Терезина; ему нечего бояться воровъ: денегъ съ нимъ не бываетъ много . . . впрочемъ я пожурю его; онъ не долженъ огорчать тебя.

— О, не брани его, Эстебанъ! Бартелеми — все мое утѣшеніе; сказала молодая мать съ одушевленіемъ. Пусть Господь поразитъ насъ всѣми несчастіями, отниметъ здоровье, ввергнетъ въ нищету; — онъ далъ намъ сына не-

оцѣненнаго, и мы не должны роптать, другъ мой!

— Вотъ вы — матери! сей часъ ты его винила, а теперь защищаешь. Не противорѣчь же сама себѣ, Терезина: если Бартелеми ведетъ себя, какъ должно, я похвалю его; въ противномъ же случаѣ, побраню.

— Да, вѣдь, онъ такъ еще молодъ, сказала Терезина, что я боюсь многаго требовать отъ него.

— Ему скоро будетъ 14 лѣтъ; замѣтилъ отецъ.

— Едва ли тринадцать, возразила мать; Бартелеми родился 1-го января 1618 года, а теперь у насъ 8-е марта 1631, — ровно тринадцать лѣтъ, два мѣсяца и семь дней.

— Бартелеми не одинъ въ комнатѣ; у него кто-то есть; сказалъ Эстебанъ.

— Съ нимъ Озоріо, котораго отецъ отдалъ ему въ ученье; отвѣчала мать съ чувствомъ гордости. Отецъ улыбнулся.

— Мнѣ кажется, что оба они, и учитель, и ученикъ большіе шалуны; послушаемъ, Терезина, о чемъ они тамъ говорятъ.

—Ты долженъ смѣяться, или плакать, когда я приказываю, говорилъ повелительнымъ голосомъ мальчикъ, — не то, — я тебя прибью.

— Это требованіе можетъ имѣть успѣхъ только въ послѣднемъ случаѣ, сказалъ Эстебанъ, собираясь идти, — но въ первомъ едва ли. До свиданія, другъ мой, я пойду къ Озоріо.

— А я на верхъ, унимать ссорящихся, отвѣчала Терезина, возвращаясь въ комнаты.

II.

Терезина по небольшой лѣстницѣ быстро взбѣжала въ верхній этажъ дома. Войдя въ комнату, она увидѣла такую странную сцену, что едва не захохотала, но старалась принять на себя строгій видъ, который совсѣмъ не шелъ къ доброму и простодушному ея лицу. Посреди комнаты находился мольбертъ, на которомъ стояла начатая картина; подлѣ, десятилѣтній ребенокъ, привязанный къ стулу,

кричалъ, что есть мочи; другой мальчикъ постарше, щекоталъ его, повторяя очень серьезно.

«Смѣйся, смѣйся же, смѣйся!

— Что это значитъ? спросила Терезина.

— Ахъ, это вы, маменька! отвѣчалъ Бартелеми, пощекочите, сдѣлайте милость, Менезеса. пока я буду рисовать.

— Нѣтъ, Бога ради, нѣтъ, синьора! кричалъ Менезесъ жалобнымъ голосомъ.

— Щекотать! сказала Терезина; не съ ума ли ты сошелъ, Бартелеми?

— Нѣтъ, маменька, я подражаю Веласкесу, отвѣчалъ сынъ.

— У него только и на умѣ, что Веласкесъ, ворчалъ Менезесъ.

— Веласкесъ — великій художникъ! сказалъ Бартелеми; и, съ помощію Божіею, я тоже со временемъ прославлюсь.

— Дай Богъ, отвѣчала Терезина, но Веласкесъ сдѣлался главою испанской школы въ Мадритѣ не отъ того, что щекоталъ мальчиковъ.

— Конечно не отъ того, маменька; но у Веласкеса былъ крестьянинъ, который смѣял-

ся, или плакалъ, когда было нужно, а Менезесъ...

— Менезесъ не крестьянинъ; сказалъ разсерженный мальчикъ, а сынъ купца Озоріо, который торгуетъ картинами подъ вывѣскою— *Апеллесова Палитра*, на площади делла Плата, въ Севиллѣ. Отецъ посылаетъ меня сюда учиться; а ты меня щекочешь, или бьешь съ утра до вечера.

— Если бы ты смѣялся, когда мнѣ надобно, я не сталъ бы щекотать тебя, отвѣчалъ съ важнымъ видомъ Бартелеми, точно также, если ты станешь плакать по доброй волѣ, я не буду бить тебя... Не ужели ты думаешь, что мнѣ это пріятно?

— А мнѣ развѣ весело, когда ты бьешь меня, или щекочешь? Что?

Терезина едва удерживалась отъ хохота во все продолженіе этого страннаго разговора; наконецъ она сказала сыну:

Ребенокъ этотъ правъ, Бартелеми.

— Веласкесъ... возразилъ мальчикъ.

— Опять Веласкесъ! прервала его Терезина.

Бартелеми какъ будто не слыхалъ послѣднихъ словъ матери, и продолжалъ:

Веласкесъ учился сперва у стараго Гéррера и у Франциска Пацеко, но потомъ рѣшился слѣдовать наставленіямъ одной природы; для этого онъ взялъ къ себѣ въ услуженіе крестьянина, котораго пріучилъ принимать всевозможныя положенія и который смѣялся и плакалъ, когда художнику было нужно: я подражаю Веласкесу и хочу, чтобы нѣкогда Севилья могла гордиться, что въ ней родился Бартелеми Эстебанъ Мурилло... но пора намъ отправляться; пойдемъ, Менезесъ.

— Пойдемъ, Менезесъ! повторилъ мальчикъ; да я не могу тронуться съ мѣста.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Бартелеми, отвязывая отъ стула ученика своего.

— Ты идешь, другъ мой? спросила Терезина... не льзя ли узнать, куда?

— Конечно можно, милая маменька; я вамъ скажу, только не теперь... отвѣчалъ спокойно Бартелеми... Менезесъ, возьми мою палитру, — ящикъ съ красками, — зонтикъ...

— Ты что-то скрываешь отъ меня, Барте-

лемы; это не хорошо, другъ мой, кротко сказала Терезина.

— Послѣ, милая маменька, послѣ, отвѣчалъ Бартелеми, обнимая мать; — сего дня вечеромъ, или завтра... теперь мнѣ некогда... Мы съ Менезесомъ идемъ гулять за городъ; тутъ ничего нѣтъ дурнаго, не правда ли, добрая маменька?

— Такъ возьми большую соломенную шляпу и надѣнь плащъ; только, смотри, гуляй не на солнцѣ... впрочемъ, если вспотѣешь, не оставайся въ тѣни... правда... и солнечный ударъ опасенъ.

— Добрѣйшая, любезнѣйшая маменька! сказалъ Бартелеми; обнялъ въ послѣдній разъ мать и побѣжалъ. Менезесъ за нимъ.

III.

Уже смерклось. Терезина сидѣла у окна и плела кружево; мужъ подлѣ нея читалъ Библію.

Все было тихо и слышался только стукъ коклюшекъ. Впрочемъ всякій догадался бы, что молодая женщина занята не работой, что она кого-то ждетъ: малѣйшее движеніе на улицѣ, скрипъ двери, лай собаки., шумъ вѣтра, все бросало на прекрасное лице Андалузанки оттѣнокъ безпокойства, или надежды.

Кто-то постучался въ дверь; жена и мужъ вздрогнули.

Это Бартелеми! сказалъ Эстебанъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Терезина, вставая, чтобъ отпереть; онъ не такъ стучится; не его походка. — Черезъ минуту она возвратилась въ сопровожденіи человѣка среднихъ лѣтъ и такъ дурно одѣтаго, что съ перваго взгляда можно было почесть его за бѣдняка.

— Синьоръ Озоріо! сказала Терезина мужу.

Эстебанъ поздоровался съ гостемъ и попросилъ его садиться.

Уфъ! сказалъ онъ, я пришелъ за сыномъ; да мнѣ хотѣлось бы самому поговорить съ вашимъ Бартелеми.

— Они вмѣстѣ пошли за городъ рисовать цвѣты; отвѣчала Терезина.

— Вотъ неволя! сказалъ купецъ; сегодня такъ жарко . . . впрочемъ, люди молодые . . . и если имъ вздумалось рисовать на открытомъ воздухѣ, пусть себѣ рисуютъ; это можно позволить имъ . . . Нынче молодежъ не то, что была въ наше время; я, напримѣръ, ни за что не пошелъ бы въ поле рисовать цвѣты; лѣтомъ — жарко, зимою холодно. О! я всегда любилъ спокойствіе, удобства . . . за то у меня рѣдко бываетъ насморкъ—семь, восемь разъ въ годъ, не больше . . . и вотъ почему я сдѣлался торговцемъ: люблю сидѣть дома, ненавижу прогулки. Впрочемъ, я родился купцемъ. — вообразите, синьора Терезина: на десятомъ году, я уже покупалъ хоть не картины, а маленькіе образа и всегда продавалъ съ барышемъ;—а мой Менезесъ — онъ на меня не похожъ: — до сихъ поръ ничего не купилъ, ничего не продалъ. Молодость, молодость!

— Не говорите такъ дурно о молодыхъ людяхъ нашего времени, синьоръ Озоріо; возразила Терезина, которая, подобно всѣмъ матерямъ, сама жаловалась на сына, но другимъ не позволяла находить въ немъ недостатки. —

Если бы родственникъ нашъ, Жанъ дель Кастелло, учившій сына моего рисовать, не уѣхалъ въ Кадикеъ, — Бартелеми, конечно, былъ бы теперь великимъ живописцемъ.

— Нѣтъ, синьоръ Терезина, сказалъ купецъ: сынъ вашъ, конечно, прекрасный мальчикъ; онъ васъ кормитъ, не дурной маляръ; но вы слишкомъ много о немъ думаете; если онъ порядочно раскрашиваетъ флаги, и коекакъ рисуетъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Мурилло пошелъ далеко... Нѣтъ! Оно, конечно,.. можно мечтать... но мечты мечтамъ рознь... Мурилло въ состояніи выработывать деньги, отправляя, напримѣръ картины въ Америку; тамъ народъ не слишкомъ взыскательный; были бы на полотнѣ краски,— въ фигурахъ человѣческихъ носы, губы, глаза, ноги, руки, — въ ландшафтахъ зелень, синева, деревья кой какія, солнце въ видѣ желтаго пятна,—Американцы довольны; но въ Испаніи другое дѣло... У насъ есть вкусъ, образованность...

— Вотъ и сынъ мой!... вскричала Терези-

на, и побѣжала къ двери — прежде, нежели Бартелеми постучался.

IV.

Наконецъ! . . . сказали въ одинъ голосъ Озоріо и Эстебанъ, увидя двухъ дѣтей, которые шли за Терезиной.

Старшій мальчикъ — прелестный, черноволосый, ловкій и стройный, поздоровавшись съ отцемъ, сказалъ Озоріо...

Мы были у васъ, я провожалъ Менезеса; когда же намъ сказали, что вы здѣсь, то Менезесъ пришелъ со мною.

— А картины мои? спросилъ купецъ.

— Половина — готова, синьоръ Озорио; батюшка, я думаю, сказалъ вамъ объ этомъ.

— Половина, половина! Этого мало; мнѣ надобны всѣ, — Бартелеми.

— Не сердитесь, добрый мой синьоръ Озо-

ріо; отвѣчалъ весело маленькій Мурилло: — черезъ мѣсяцъ...

— Черезъ мѣсяцъ!... Да онѣ нужны къ завтрему, Бартелеми.

— Къ завтрему нельзя, что ни говорите, синьоръ Озоріо.

— Ну, даю тебѣ недѣлю сроку.

— И этого мало.

— Слушай, Бартелеми, я скажу тебѣ прямо: вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ ты совсѣмъ перемѣнился... прежде я не ждалъ такъ долго; а теперь недѣлю — на картину!

— Подождите, синьоръ Озоріо, будетъ еще не то, отвѣчалъ Бартелеми, смѣясь; скоро одну картину я стану писать три мѣсяца.

— Милосердый Боже! Да зачѣмъ же это?

— Буду старательнѣе работать, синьоръ Озоріо.

— Ну послушай же, Бартелеми: шутки въ сторону; я бьюсь не изъ того, чтобы картины были хороши, а чтобъ ихъ было много... и потому прошу тебя имѣть въ виду не качество, а количество.

— А искусство? . . . вскричалъ молодой художникъ.

— А деньги? . . . сказалъ купецъ, потряхивая кошелькомъ.

— Какъ угодно, синьоръ; отвѣчалъ Мурилло съ комическою важностію; а я рѣшился не писать дурныхъ картинъ.

— Но, упрямецъ, твои картины довольно хороши; доказательство то, что я покупаю ихъ и плачу наличными деньгами... Прошу покорно! Онъ хочетъ писать только хорошія картины, однѣ хорошія! ворчалъ купецъ; этотъ Бартелеми подорветъ мою торговлю. Кто набилъ ему голову такимъ вздоромъ . . . Писать только хорошія картины!

— Вотъ видите, синьоръ Озоріо . . . назадъ тому шесть мѣсяцевъ я былъ у Антолинеса...

—У Антолинеса? вскричалъ Озоріо; ты знакомъ съ Антолинесомъ?

— Сынъ его ровесникъ мнѣ, отвѣчалъ Бартелеми.

— Извините, если я вмѣшаюсь въ вашъ разговоръ, сказалъ Эстебанъ: почему вы такъ пугаетесь, синьоръ Озоріо, знакомства моего

Бартелеми съ сыномъ Антолинеса?... Развѣ онъ дурной человѣкъ?

— Напротивъ, Г. Эстебанъ.

— Или можетъ служить вреднымъ примѣромъ для моего Мурилло.

— О, нѣтъ; онъ ведетъ себя прекрасно.

— Въ такомъ случаѣ, почему же?...

— Это моя тайна, синьоръ Эстебанъ. Вотъ видите ли, въ чемъ дѣло: Антолинесъ покупаетъ у меня картины вашего сына; я продаю ихъ... правда съ убыткомъ, хоть и небольшимъ... и если Бартелеми скажетъ ему слово... о цѣнѣ... которую я ему плачу... онъ навѣрное...

— Вы боитесь, что бъ они не обошлись безъ васъ, сказалъ Эстебанъ; — будьте покойны, синьоръ Озоріо; сынъ мой неспособенъ къ такому поступку и, вѣрно, не захочетъ поссориться съ вами; вы два года кормите насъ, между тѣмъ какъ Антолинесъ купитъ у него, быть можетъ, одну картину въ годъ... Вы были нашей подпорой, синьоръ Озоріо.

— Оно-правда, картины и флаги вашего сына... впрочемъ Бартелеми вознаграждаетъ меня за все, что я для него дѣлаю, давая да-

ромъ уроки моему сыну. Наконецъ, я очень радъ, что вы отдаете мнѣ справедливость.

— Могу ли я продолжать? спросилъ Бартелеми.

— Можешь, отвѣчалъ отецъ.

Молодой Мурилло началъ говорить:

«И такъ назадъ тому шесть мѣсяцевъ, я былъ у синьора Антолинеса; зная страсть мою къ живописи, онъ предложилъ мнѣ познакомиться съ однимъ изъ своихъ друзей, по имени Мога, который проѣздомъ въ Кадиксъ остановился на нѣсколько времени въ Севиллѣ... О, батюшка! О, синьоръ Озоріо! если бы вы видѣли копію съ Ванъ-Дика, которую онъ мнѣ показывалъ,... О, если бы вы видѣли!... Какъ она разнится отъ моихъ картинъ, даже отъ картинъ моего учителя!... Потому-то я теперь не пишу, а безпрестанно учусь: вотъ отъ чего и дома я рѣдко бываю.

— Да гдѣ же ты учишься? спросила мать.

— Вездѣ, маменька... за городомъ....

— За городомъ! повторилъ съ удивленіемъ Озоріо.

— Я стараюсь уловить колоритъ цвѣтовъ.

— Вотъ, дай дѣтамъ волю; имъ вѣчно придетъ въ голову какая нибудь глупость, сказалъ Озоріо; ну развѣ нужно, напримѣръ, идти въ поле, чтобы выучиться рисовать розу, макъ, гвоздику?... дай мнѣ кисти и палитру: я нарисую тебѣ цвѣтокъ, зажмуря глаза.

— Нарисуете, да дурно... сказалъ Бартелеми.

— А все сойдетъ съ рукъ.

— Но когда картины мои будутъ лучше, вы дороже станете платить за нихъ: не такъ ли, синьоръ Озоріо?

— Ни копейки не прибавлю, другъ мой.

— О, въ такомъ случаѣ я буду оставлять ихъ для себя, синьоръ Озоріо, что бы иногда заслуживать похвалу отъ такихъ знатоковъ, какъ напримѣръ, этотъ Мога... Сего дня я показалъ ему эскизъ, который набросалъ вчера... Ахъ, если бы вы знали, что онъ сказалъ мнѣ!... по его мнѣнію мой рисунокъ и колоритъ напоминаютъ нѣсколько Веласкеса.

— Гдѣ у тебя этотъ эскизъ? спросилъ купецъ.

Бартелеми принесъ начатую имъ картину. Вотъ она, сказалъ онъ купцу.

Озоріо сперва улыбнулся-было съ довольнымъ видомъ, но потомъ сдѣлалъ гримасу.

— Дурно, дурно, сказалъ отставляя нижнюю губу; рисунокъ не хорошъ; рука эта коротка ... и притомъ для эскиза слишкомъ много красокъ... А что ты просишь за нее?..,

— Если она вамъ не нравится, синьоръ Озоріо, оставьте ее мнѣ; отвѣчалъ Бартелеми.

— Я покупаю всѣ твои картины безъ разбору и эта уйдетъ съ другими... притомъ же ты, я думаю, нуждаешься, въ деньгахъ... Со мной есть шесть червонцевъ... если хочешь, возьми, но право это только для тебя... согласенъ, что ли?...

Удивленный такою щедростію Озоріо, Бартелеми догадался, что картина его стоитъ дороже и потому отвѣчалъ купцу.

За десять червонцевъ—извольте.

— Ты лакомъ до денегъ, другъ мой, возразилъ Озоріо, понявъ свою ошибку; — если я даю тебѣ шесть червонцевъ, не торгуясь, ты уже воображаешь себя вторымъ Веласкесомъ; но теперь, чѣмъ внимательнѣе смотрю на твою картину, тѣмъ больше нахожу въ ней недос-

татковъ и больше четырехъ червонцевъ не дамъ.

— Десять, синьоръ Озоріо, десять!

— Ну, такъ и быть, пять... и то только изъ уваженія къ твоему отцу.

— Меньше десяти не отдамъ! повторилъ Бартелеми.

— Даю тебѣ прежнюю цѣну — шесть червонцевъ, хочешь-ли?

— Я сказалъ, что меньше десяти не возьму, отвѣчалъ Бартелеми и, если говорить откровенно, мнѣ хотѣлось бы оставить картину для себя... Это первое мое созданіе... я такъ ревностно молился Богу, когда писалъ ее, что она должна принести мнѣ счастіе...

— А шесть червонцевъ, развѣ это не счастіе? сказалъ Озоріо.

— Конечно, это деньги... но я рѣшился не брать меньше десяти.

— А я ужъ не прибавлю ни полушки.

— Такъ изъ чего же и спорить, синьоръ Озоріо? Мы съ вами согласны!

— Какъ согласны?

— Да, я оставляю эту картину у себя.

Будешь жалѣть, другъ мой... сказалъ купецъ, прощаясь съ родителями Мурилло. Пойдемъ, Менезесъ; до свиданія, синьоръ Эстебанъ! Мое почтеніе, сударыня!

— Батюшка! Завтра мнѣ нужно будетъ поговорить съ вами, сказалъ Бартелеми отцу на ухо, простился съ матерью и пошелъ спать.

V.

— «Ваше здоровье теперь поправилось, батюшка,» сказалъ Мурилло, «и вы въ состояніи приняться за обыкновенныя ваши занятія... Озоріо не слишкомъ взыскателенъ, и вы можете смѣло писать для него картины тогда, какъ я уѣду...»

— Уѣдешь!... вскрикнула Терезина, которая въ эту минуту вошла въ комнату, неся на подносѣ завтракъ; и такъ ты ѣдешь? грустно сказала она.

Бартелеми подбѣжалъ къ матери, взялъ подносъ, поставилъ его на столъ и, обнявъ ее, сказалъ: «милая маменька, это дѣло до васъ не касается, я говорю съ батюшкой, и вы видите, онъ не противорѣчитъ мнѣ.»

— Но я не хочу съ тобой разставаться; я хочу знать, куда ты ѣдешь, говорила бѣдная мать, заливаясь слезами.

— «Если такъ, маменька: выслушайте меня.» Слова эти ребенокъ произнесъ такъ выразительно, что мать смотрѣла на него во всѣ глаза, какъ будто сомнѣваясь, тотъ ли это Бартелеми Эстебанъ Мурилло, котораго она недавно еще убаюкивала на груди своей; ей показалось, что въ эту минуту онъ выросъ цѣлой головой.

Она сѣла на стулъ; сынъ подлѣ нея; отецъ стоялъ поодаль.

«Мнѣ уже тринадцать лѣтъ,» сказалъ молодой Мурилло, «и вы, маменька, не можете предполагать, что я вѣчно буду расписывать флаги и малевать дрянныя картины для продажи... нѣтъ... милая маменька... когда я смотрю на прекрасную картину, когда при мнѣ

произносятъ имена Рафаэля, Корреджіо, Рубенса, Ванъ-Дика и соотечественника нашего Веласкеса, я чувствую въ груди своей пламень; чувствую, что назначеніе мое быть художникомъ... и прошу васъ, батюшка, не противиться моему призванію. . . »

— Сохрани Богъ, другъ мой! отвѣчалъ Эстебанъ. . . Но средства.... Мы такъ бѣдны.

— «Почти всѣ великіе живописцы были бѣдны, батюшка.»

— Такъ, но они находили себѣ покровителей и занимались подъ руководствомъ лучшихъ учителей.

— «Лучшій учитель, батюшка,—природа; доказательство—Веласкесъ, нашъ соотечественникъ.»

— Правду говоритъ маленькій Менезесъ, у тебя только и на умѣ, что Веласкесъ.

— «Позвольте сказать вамъ, маменька, что Веласкесъ родомъ изъ Севиллы, что Севилла гордится имъ; я тоже хочу прославить нашу родину. О, если бы вы знали, какъ принятъ былъ Веласкесъ въ Мадритѣ, назадъ тому десять лѣтъ, въ 1625 году!— Онъ такъ удачно написалъ портретъ каноника Фонсека, что Ко-

роль пожелалъ имѣть и свой портретъ его работы. Художникъ изобразилъ Государя во всемъ вооруженіи, на прекрасномъ конѣ; Королю угодно было, что бы портретъ выставленъ былъ передъ церковью Св. Филиппа; тогда праздновали день этого угодника; картина произвела такой энтузіасмъ, что народъ съ торжествомъ отнесъ ее во дворецъ; Веласкесъ, другъ Рубенса, Веласкесъ теперь въ Италіи съ Рубенсомъ; вотъ зачѣмъ я отправляюсь туда.»

— Но средства? Гдѣ у тебя средства? повторилъ Эстебанъ.

— «Средство! вотъ оно: я куплю полотна, разрѣжу его на небольшіе куски, на каждомъ напишу изображеніе какого нибудь святаго, цвѣты, или ландшафты; у меня кой-что уже заготовлено; кромѣ того, я буду работать для Озоріо мѣсяца два и такимъ образомъ наберу денегъ.»

— Я одобряю твой планъ, милый мой Бартелеми, но ты очень молодъ и не можешь одинъ отправиться въ Италію... Ты набоженъ, это я знаю; мы воспитали тебя въ пра-

вилахъ нравственности, которыя, надѣюсь, укоренились въ твоемъ сердцѣ... ты поѣдешь въ Италію... но послѣ...

— «То есть когда наберу побольше денегъ; не правда ли, батюшка?»

— Пожалуй хоть такъ, отвѣчалъ отецъ.

Довольный этимъ обѣщаніемъ, Бартелеми весело принялся за завтракъ, говорилъ о своихъ предположеніяхъ, о будущихъ успѣхахъ и, вставъ изъ за стола, свернулъ начатую имъ картину и отправился въ монастырь Св. Франциска.

VI.

Въ церкви, Бартелеми отыскалъ образъ Св. Іоанна, расположился противъ него и принялся за работу; Менезесъ куда-то вышелъ.

Молодой Мурилло пристально занимался своимъ дѣломъ; вдругъ ему послышался шорохъ.

Онъ обернулся и увидѣлъ передъ собою высокаго роста и великолѣпно одѣтаго человѣка, который внимательно разсматривалъ его картину.

Не дурно, другъ мой, не дурно; сказалъ незнакомецъ; кто твой учитель?

— «Увы, синьоръ! теперь никто;» отвѣчалъ Бартелеми.

Жаль, очень жаль; прибавилъ незнакомецъ; впрочемъ ты можешь обойтись безъ наставника; тебѣ надобно только всмотрѣться въ произведенія великихъ художниковъ.

— «Есть одинъ художникъ, котораго я желалъ бы изучить, синьоръ, но къ несчастію я знакомъ только съ его славою.»

— Кто же этотъ художникъ?

— «Веласкесъ.»

Незнакомецъ улыбнулся.

— Есть живописцы лучше Веласкеса, другъ мой: Ванъ-Дикъ, Рубенсъ, Рафаэль, Пуссенъ, Микель-Анджело....

— «Я, сударь, почти ребенокъ;» возразилъ Бартелеми, искоса посматривая на незнакомца; «но думаю, что Веласкеса можно поставить на

ряду съ художниками, о которыхъ вы говорите; впрочемъ синьоръ, быть можетъ, не артистъ?...»

Въ это время вошелъ Менезесъ, Бартелеми сказалъ ему на ухо:

«Узнай отъ людей этого господина, какъ его зовутъ.»

Порученіе маленькаго Мурилло какъ будто смутило незнакомца; Менезесъ возвратился съ отвѣтомъ:

Его зовутъ, сказалъ онъ, Іаковъ Родригъ де Сильва. Бартелеми, взглянувъ на незнакомца, продолжалъ:

«Это меня не удивляетъ.»

Незнакомецъ все видѣлъ, слышалъ и понялъ.

Почему же, спросилъ онъ у Бартелеми?

— «Ахъ! вы слышали, синьоръ?» сказалъ молодой Мурилло.

— Слышалъ; отвѣчалъ донъ Родригъ.

— «И такъ я повторю: меня не удивляетъ вашъ отзывъ: вы знатный господинъ.»

— Почему же не удивляетъ? спросилъ донъ Родригъ.

— «Потому, отвѣчалъ Мурилло, что, отзыва-

ясь съ презрѣніемъ о Веласкесѣ, вы говорите какъ знатный баринъ, а не какъ художникъ.»

— Но развѣ нельзя быть и артистомъ, и знатнымъ бариномъ, другъ мой?

— «Можно, но это рѣдко случается, синьоръ, такъ рѣдко, что едва ли въ одномъ вѣкѣ могутъ встрѣтиться два такіе человѣка, и такъ какъ примѣръ этого мы видимъ уже въ Рубенсѣ...»

— То ты думаешь, что я не могу быть вторымъ Рубенсомъ, продолжалъ донъ Родригъ; но, можетъ быть, ты и правъ: я не сержусь на это, другъ мой... а чтобъ доказать тебѣ, что можно быть знатнымъ бариномъ и умѣть цѣнить таланты, я покупаю у тебя эту картину; она мнѣ очень нравится... продаешь ли ты ее?

— «Продаю, синьоръ.»

— За сколько?

— «Вчера мнѣ предлагали 6 червонцевъ, но я не взялъ,» отвѣчалъ Бартелеми; Менезесъ, между тѣмъ, шепнулъ ему на ухо: скажи десять.

— «За чѣмъ?» тихо спросилъ Бартелеми.

— Это купеческая хитрость, къ которой я прибѣгаю ежедневно, отвѣчалъ маленькій Озорію; послушайся меня, — скажи: десять.

— «Да вѣдь это будетъ ложь,» замѣтилъ ему Бартелеми.

— И такъ другъ мой, продолжалъ незнакомецъ, тебѣ вчера предлагали . . . сколько ты сказалъ?...

— «Шесть червонцевъ, сударь;» отвѣчалъ Бартелеми.

— Я даю тебѣ двадцать; довольно ли?

— «Но она не стоитъ этого, синьоръ . .» сказалъ Бартелеми, покраснѣвъ отъ удовольствія и стыда.

— Я знаю, что не стоитъ, отвѣчалъ донъ Родригъ.

— «Слѣдовательно, вы смѣетесь надо мной.»

— Нѣтъ; я плачу будущему артисту; сказалъ донъ Родригъ . . . Ты не долженъ оставаться здѣсь, гдѣ нѣтъ школы; съ двадцатью червонцами можно доѣхать до Мадрита...

— «О! если бы этихъ денегъ достало на путешествіе въ Италію,» вскричалъ молодой Му-

рилло съ такою грустію, что незнакомецъ былъ тронутъ!

— Ты можешь поступить въ Галло-испанскую школу; я дамъ тебѣ письмо къ начальнику ея.

Молодой Мурилло вздрогнулъ:

«Къ Веласкесу?» сказалъ онъ.

Незнакомецъ улыбнулся.

Да, къ Веласкесу.

— «И я его увижу!... Я его увижу!!...»

— Такъ, какъ ты меня видишь.

— О синьоръ, вы совершенно осчастливите Бартелеми! — сказалъ Менезесъ: Веласкесъ его герой, его образецъ. Онъ во всемъ хочетъ подражать Веласкесу; мало этого: у Веласкеса есть крестьянинъ, который смѣется и плачетъ, когда ему прикажутъ; я играю роль этого крестьянина и такъ какъ я не умѣю смѣяться, или плакать по произволу Мурилло, то онъ ужасно мучитъ меня и...

Обѣщаніе донъ Родрига сильно подѣйствовало на Мурилло. Онъ поѣдетъ въ Мадритъ, онъ увидитъ Веласкеса! Донъ Родригъ, такъ сказать, разбудилъ его, взявъ за руку.

Приходи ко мнѣ сего дня вечеромъ въ семь часовъ, въ гостинницу Кастилія, на площади Лаплата.

Сказавъ эти слова, донъ Родригъ ушелъ прежде, нежели Мурилло успѣлъ опомниться.

VII.

Бартелеми въ задумчивости возвращался домой; Менезесъ несъ за нимъ ящикъ съ красками и прочія принадлежности живописи; донна Терезина встрѣтила его еще на улицѣ:

Добрая вѣсть! сказала она ему: только что ты вышелъ изъ дому, къ намъ пришелъ синьоръ Озоріо и принесъ десять червонцевъ, которые ты просилъ съ него вчера за картину; послѣ обѣда надобно отнести ее къ нему.

— «Въ которомъ часу былъ Озоріо?» спросилъ Бартелеми.

— Въ 10 часу я положила деньги въ твою шкатулку.

— «Какое несчастіе!» сказалъ Бартелеми; «а я продалъ было картину за 20 червонцевъ.»

— Кому? спросила мать.

—«Одному иностранцу донъ Родригу де Сильва, который сверхъ того обѣщалъ мнѣ дать письмо къ Веласкесу въ Мадритъ.»

— Ахъ Боже мой! Если бы я это знала! сказала опечаленная мать... А я такъ радовалась щедрости синьора Озоріо...

— Чѣмъ тутъ огорчаться?... подхватилъ Менезесъ своему товарищу: возврати отцу десять червонцевъ и скажи, что когда онъ принесъ деньги, картина была уже продана за двадцать. Для отца ты напишешь другую; — а этотъ господинъ, быть можетъ, завтра уѣдетъ...

— «Молчи, Менезесъ; ты мой злой геній;» сказалъ нетерпѣливо Бартелеми; «что сдѣлано, то сдѣлано... пообѣдаемъ, а потомъ я пойду извиниться передъ донъ Родригомъ... и попрошу его о письмѣ...»

Обѣдъ былъ скученъ; никто не говорилъ ни слова; всѣ принимали участіе въ горѣ нашего молодаго артиста. Вставъ изъ за стола, Му-

рилло отправился въ гостинницу Кастилія; его ввели въ кабинетъ, гдѣ донъ Родригъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ.

А вотъ моя картина, сказалъ онъ, увидя Бартелеми.

— «Ахъ, синьоръ, мать моя продала эту картину, прежде, нежели я пришелъ домой!» сказалъ Бартелеми съ стѣсненнымъ сердцемъ.

— И вѣрно дороже? спросилъ донъ-Родригъ.

— «Нѣтъ, дешевле... но дѣло не въ томъ,» отвѣчалъ молодой Мурилло...

— Извини, другъ мой, именно это-то и важно, сказалъ донъ Родригъ; если я плачу тебѣ дороже, ты можешь отказать другому покупателю, такъ какъ теперь отказываешь мнѣ.

— «Конечно, синьоръ, я и сдѣлалъ бы это;» отвѣчалъ молодой Мурилло, «еслибъ условился съ вами прежде, нежели маменька получила деньги отъ купца Озоріо... Съ нимъ я торговался еще вчера, а вы мнѣ предложили деньги сего дня, почти вечеромъ...»

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ сердито донъ Родригъ.

— «Бартелеми Эстебанъ Мурилло.»

— Живы ли твои родители?

— «Живы, синьоръ.»

— Я хочу видѣться съ ними; сказалъ донъ Родригъ, пристально посмотрѣвъ на молодаго Мурилло; веди меня. . .

— «Къ батюшкѣ,» спросилъ удивленный Бартелеми?

— Да, къ нему; отвѣчалъ донъ Родригъ.

VIII.

Было уже совсѣмъ темно, когда донъ Родригъ съ Бартелеми пришли въ домъ Эстебана. Терезина плела кружево; мужъ ея читалъ вслухъ Библію. Увидя сына, вошедшаго съ незнакомцемъ, мужъ и жена встали.

Извините, что я обезпокоилъ васъ, сказалъ донъ Родригъ, ловко поклонясь сперва Терезинѣ, а потомъ мужу ея, но мнѣ хотѣлось, прежде отъѣзда изъ Севиллы, познакомиться съ роди-

телями, которые умѣли внушить твердыя правила чести и благородства такому молодому человѣку, какъ вашъ Бартелеми; — скажу вашъ откровенно, еслибы онъ принесъ мнѣ картину, я не пришелъ бы сюда... Мурилло хорошо пишетъ... онъ артистъ; артистовъ много... картина его мнѣ понравилась... я купилъ ее... все это очень обыкновенно... но благородный поступокъ вашего сына съ купцемъ Озоріо — лучше его картины, и я пришелъ выразить искреннее мое уваженіе тѣмъ, которые дали ему воспитаніе... Мурилло, прибавилъ онъ, оборотясь къ мальчику!... я богатъ, знатенъ; скажи, чего желаешь ты?...

— «Письма къ Веласкесу,» робко сказалъ Мурилло.

— Я могу сдѣлать больше этого, отвѣчалъ растроганный иностранецъ; я могу показать тебѣ Веласко... сей же часъ...

— «Онъ въ Севиллѣ!» вскричалъ живо Бартелеми.

— Онъ передъ тобой, отвѣчалъ донъ Родригъ, простирая объятія свои къ мальчику.

— Вы... донъ Родригъ?...» сказалъ Бартелеми.

— Донъ Родригъ де Сильва Веласкесъ.

Когда первый восторгъ радости и удивленія прошелъ; Веласкесъ сказалъ Эстебану:

Я ѣду теперь въ Венецію, гдѣ ждетъ меня Рубенсъ и потому не могу принять лично сына вашего въ мою школу; но я напишу о немъ въ Мадритъ, а вы непремѣнно пришлите его туда: Мурилло вашъ—мальчикъ необыкновенный; онъ будетъ со временемъ великимъ художникомъ.

Веласкесъ простился съ семействомъ Эстебана и ушелъ. На другой день онъ уѣхалъ изъ Севиллы. Но Мурилло не могъ тотчасъ же отправиться въ Мадритъ: отецъ его послѣ непродолжительной болѣзни умеръ и онъ остался единственной подпорой матери. Когда ему было 16 лѣтъ и мать могла жить трудами своими, Мурилло предпринялъ путешествіе, о которомъ такъ давно мечталъ... Не имѣя денегъ, онъ возвратился къ первой своей мысли: купилъ полотна, изрѣзалъ его на небольшіе квадратные куски, нарисовалъ множество

образковъ и цвѣтовъ и продалъ все это для отправленія въ Америку; часть вырученныхъ денегъ онъ отдалъ матери; съ остальными пустился въ путь.

Узнавъ по пріѣздѣ въ Мадритъ, что Веласкесъ возвратился изъ Италіи, Мурилло пришелъ къ нему. Веласкесъ узналъ стараго знакомца своего и доставилъ ему работу въ Эскуріалѣ и другихъ дворцахъ. Мурилло прожилъ три года въ Мадритѣ и потомъ возвратился въ Севиллу, гдѣ и умеръ 3-го апрѣля 1682 года.

СЕБАСТІАНЪ ГОМЕСЪ.

I.

Рано утромъ, когда вся Севилла погружена была еще въ сонъ, нѣсколько молодыхъ людей, изъ которыхъ младшему было лѣтъ 15-ть, а старшему не болѣе 20-ти, сошлись у воротъ прекраснаго дома на площади Св. Франциска; то было въ іюнѣ 1558 года.

Антолинесъ!

— Тобаръ!

— Виллавичеміо!

— Раба!

— Мендесъ!

— Суаресъ!

— Кордова!

СЕБАСТІАНЪ ГОМЕСЪ.

О, господинъ, господинъ!... нѣтъ, я не смѣю!

THE
PUB
AS
THE

Такъ они привѣтствовали друръ друга; одинъ изъ нихъ постучался въ дверь; старый негръ отперъ.

Здравствуй, Гомесъ, сказали они почти въ одинъ голосъ... Всталъ ли учитель?

— Нѣтъ еще, господа — отвѣчалъ негръ.

— А сынъ его?

— Синьоръ Гаспаръ куритъ сигару въ саду съ г. Менезесомъ Озоріо.

— Ты говоришь, какъ сонный, Гомесъ, сказалъ Раба.

— Я не совсѣмъ выспался, г. Раба.

— Лѣнтяй! закричали нѣкоторые изъ учениковъ, входя съ шумомъ въ мастерскую.

— Лѣнтяй!... повторилъ негръ, слѣдуя за ними — лѣнтяй... я не понимаю этого слова... еслибъ я родился господиномъ, а не рабомъ, то спалъ бы безъ просыпу...

— Ради Св. Іакова, — закричалъ Суаресъ, открывъ свой ящикъ и вынимая изъ него палитру.—Скажите, господа, кто изъ васъ оставался вчера въ мастерской?

— Ты, какъ Гомесъ, не совсѣмъ еще вы-

спался; отвѣчалъ ему Антолинесъ: развѣ не помнишь, что мы вышли всѣ вмѣстѣ?

— Гомесъ, кто послѣ насъ входилъ въ мастерскую? спросилъ Тобаръ, смотря на свой мольбертъ.

— Это, вѣрно, опять какая нибудь шутка, Зомби, отвѣчалъ съ ужасомъ Гомесъ.

— Зомби, Зомби, возразилъ ему съ сердцемъ Суаресъ; если я поймаю твоего Зомби, онъ у меня скажетъ настоящее имя свое... я всегда такъ опрятно держу мою палитру... а между тѣмъ кисти мои выпачканы, какъ будто я писалъ ими...

— Смотри же, вотъ еще небольшая фигура на моемъ полотнѣ, сказалъ Суаресъ, останавливаясь передъ своимъ мольбертомъ...

— О, господа, портретъ каноника Истарица! закричалъ Кордова; посмотрите!

— Да, да, прекрасно! Необыкновенное сходство! говорили ученики, собравшись у картины.

— А на моемъ полотнѣ дѣтская головка, довольно милая; взгляните, пожалуйста, сказалъ Дакоста; — впрочемъ пора ужъ кончить эти шутки.

— Опять Зомби! пробормоталъ Гомесъ.

— Если въ самомъ дѣлѣ Зомби рисуетъ всѣ эти фигурки на нашихъ картинахъ, сказалъ Виллавичеміо, то ему, право, не дурно бы написать на моей картинѣ—*Снятіе со креста*—головку Мадонны... я ни какъ не могу дать приличнаго выраженія чистоты и дѣвственности лику Богоматери. Вотъ ужъ цѣлую недѣлю бьюсь, но всякій разъ приходится вечеромъ стирать то, что напишу утромъ.

При этихъ словахъ, Виллавичеміо безпечно подошелъ къ своему мольберту, но, взглянувъ на него, вскрикнулъ и поблѣднѣлъ.

— Посмотрите, господа, сказалъ Раба, Виллавичеміо превратился въ статую.

Всѣ ученики подходили къ мольберту и смотрѣли на него съ удивленіемъ.

На самой срединѣ картины, у подножія креста, гдѣ наканунѣ молодой Испанецъ рисовалъ Мадонну, явилась другая головка, только что начатая; она исполнена была такой прелести, чистоты и такого величія, что разительно отличалась отъ другихъ фигуръ, окружавшихъ ее.

— Какъ это чудесно; господа! говорили съ восторгомъ другъ другу молодые люди.

— Я не могу понять, ктобы могъ нарисовать эту головку!... сказалъ Суаресъ; развѣ Гаспаръ?

— Здѣсь!... весело отвѣчалъ молодой человѣкъ лѣтъ 16-ти, входя въ мастерскую съ мущиной пожилыхъ лѣтъ, котораго ученики привѣтствовали — именемъ Менезеса — Озоріо.

— Чудакъ Гаспаръ! сказалъ Раба, отецъ жалуется на него, что онъ литтературу предпочитаетъ живописи, а онъ — ночью пишетъ картины, днемъ—стихи.

— Кто мой обвинитель? спросилъ смѣясь Гаспаръ.

— Вотъ смотри, закричали ему ученики, показывая на свои картины.

Менезесъ посмотрѣлъ пристально и сказалъ серьезно:

Увѣряю васъ, господа, что это не Гаспаръ.

— Почему же вы такъ думаете, синьоръ Озоріо, спросилъ Хевесъ.

— Потому, что Гаспаръ не въ состояніи...

— Сдѣлать шалость? подхватилъ Тобаръ.

— Да, такую прекрасную . . . прибавилъ Озоріо.

Всѣ ученики захохотали.

Ну такъ это вы, синьоръ Озоріо, сказали они.

— Ужъ я, конечно, не сталъ бы отпираться, отвѣчалъ Озоріо, но прилично ли въ мои лѣта вставать по ночамъ за тѣмъ, чтобы украдкою рисовать.

— Такъ кто же это?

— Зомби, тихо сказалъ старый Гомесъ.

— За работу, господа, за работу, закричалъ Гаспаръ; батюшка встаетъ . . . я слышу . . . онъ черезъ нѣсколько минутъ будетъ здѣсь. . . прощайте!

— Куда же ты идешь?

— Прочесть стихи своего сочиненія синьору Озоріо.

— Мнѣ суждено быть мученикомъ отца и сына, сказалъ смѣясь Озоріо; когда я былъ мальчикомъ, Мурилло сѣкъ и щекоталъ меня, чтобы заставить плакать, или смѣяться, а теперь сынъ деретъ мнѣ уши своими стихами... Что если будутъ е ще внучаты?... Тогда вѣр-

но мнѣ придется слушать музыку . . . а Богу извѣстно, рожденъ ли я музыкантомъ . . . До свиданья, друзья!

— Себастіанъ! Себастіанъ! Себастіанъ!

На этотъ зовъ учениковъ, повторенный нѣсколько разъ, явился бѣдный, маленькій Мулатъ.

Что угодно, господа? сказалъ онъ робко.

— Себастіанъ! натяни полотно; кричалъ одинъ;—Себастіанъ, масла! говорилъ другой;— Себастіанъ, подай мой муштабель; — Себастіанъ, натри мнѣ неаполитанской *желчи*, — а мнѣ охры . . . скорѣй, скорѣй!

Бѣдный Мулатъ незналъ, какъ удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ; онъ суетился, хлопоталъ, бѣгалъ во всѣ стороны.

II.

Что у васъ тутъ случилось, какъ будто пожаръ въ мастерской? сказалъ громкимъ и

повелительнымъ голосомъ вошедшій въ комнату мужчина среднихъ лѣтъ, щегольски одѣтый, благородной и величественной наружности; ученики почтительно поклонились ему.

Посмотрите, синьоръ Мурилло, сказалъ Виллавичеміо, показывая на свой мольбертъ.

— Хорошо, хорошо, Виллавичеміо... замѣтилъ Мурилло, ты дѣлаешь успѣхи.

Не я, синьоръ, нарисовалъ это, отвѣчалъ со вздохомъ Виллавичеміо.

— Тѣмъ хуже для тебя; такъ кто же?... спросилъ Мурилло... Кто? говорите, говорите... прибавилъ онъ съ живостію... Да это просто — удивительно... Какая свѣжесть... Какой колоритъ!.. скажу вамъ смѣло, господа... тотъ, кто нарисовалъ эту головку Мадонны, будетъ, со временемъ, нашимъ учителемъ... Да что жъ вы молчите?.. Никто не хочетъ признаться... а, между тѣмъ, я, Мурилло, не постыдился бы подписать подъ ней свое имя... и клянусь Св. Іаковомъ Компостельскимъ, желалъ бы такъ рисовать... не ты ли это, Раба?

— Нѣтъ, синьоръ.

— Ну ты, Суаресъ?

— Увы! не я...

— Ужъ не Гаспаръ ли?

— Онъ отказывается, синьоръ, сказалъ Жевесъ.

— Если отказывается, надобно ему вѣрить, отвѣчалъ Мурилло... Да кто же написалъ головку? Вѣдь не сама собой явилась она на картинѣ Виллавичеміо.

— Синьоръ, сказалъ Кордова, младшій изъ учениковъ, если вѣрить Гомесу и маленькому Себастіану...

— Такъ что жъ?

— Головку нарисовалъ Зомби, котораго... Хохотъ учениковъ не далъ Кордовѣ окончить. Онъ съ живостію продолжалъ: однакожъ вы должны сознаться, господа, что у насъ, съ нѣкотораго времени, происходятъ чудныя вещи... которыя случаются не ежедневно...

— Конечно не ежедневно, потому что все это бываетъ по ночамъ, отвѣчалъ Виллавичеміо.

— А что бываетъ по ночамъ? спросилъ Му-

рилло, не переставая смотрѣть на головку Мадонны, такъ чудесно явившуюся на полотнѣ.

Кордова продолжалъ:

Слѣдуя вашему приказанію, синьоръ, мы по окончаніи класса приводимъ въ порядокъ всѣ наши вещи: чистимъ палитры, моемъ и вытираемъ досуха кисти, ставимъ на мѣста мольберты и перевертываемъ картины... но вотъ, синьоръ, уже цѣлый мѣсяцъ... я думаю больше мѣсяца, господа... когда мы приходимъ по утру въ мастерскую, всегда находимъ на чьей нибудь палитрѣ краски; кисти бываютъ выпачканы... въ картинахъ нашихъ тоже всегда какая нибудь перемѣна, у инаго окончена рука, которую онъ началъ наканунѣ; у другаго, въ углу картины, начерчена фигура смѣющагося дьявола съ рогами; иногда увидишь головку ангела, или старика, профиль молодой дѣвушки, или карикатурный портретъ кого нибудь изъ посѣтителей; я бы никогда неокончилъ, если бы сталъ разсказывать обо всемъ, что происходитъ у насъ сверхъестественнаго.

— Ужъ Гаспаръ не лунатикъ ли? спросилъ Виллавичеміо.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мурилло, да при томъ было бы странно, если бы онъ ночью работалъ лучше, чѣмъ днемъ... скажу вамъ, друзья мои... тотъ, кто нарисовалъ эту головку, не простой ученикъ, не подражатель... рисунокъ, правда, не совсѣмъ правиленъ, видно, что рука не опытна, но... въ душѣ неизвѣстнаго художника пылаетъ священный огонь... впрочемъ загадку эту легко разрѣшить... Себастіанъ!...

— Вы хотите спросить объ этомъ у Себастіана, сказалъ Виллавичеміо,—да онъ знаетъ не больше нашего... но что я говорю?... онъ положительно утверждаетъ, что это Зомби.

— А вотъ мы увидимъ... Себастіанъ?

— Что прикажете, господинъ, отвѣчалъ маленькій Мулатъ, прибѣжавшій на первый зовъ Мурилло.

— Я тебѣ приказывалъ ночевать здѣсь въ мастерской.

— Да, господинъ.

— Исполняешь ли ты это?

— Исполняю, господинъ.

— Ну такъ отвѣчай... кто приходитъ въ мастерскую по ночамъ, или рано утромъ, пока не соберутся ученики... кто? говори.

— Никто, господинъ, отвѣчалъ въ смущеніи маленькій Мулатъ.

— Ты лжешь, негодный, лжешь: развѣ не видишь этого?

Мурилло показалъ Мулату на головку Мадонны.

Никто, кромѣ... меня, господинъ, клянусь вамъ, отвѣчалъ Себастіанъ, сложивъ руки.

— Слушай, сказалъ Мурилло строгимъ голосомъ — я непремѣнно хочу узнать, кто нарисовалъ эту головку... понимаешь ли? такъ же всѣ эти фигурки, которыя появляются на картинахъ учениковъ... слышишь ли? нынѣшнюю ночь не спи... и если завтра не откроешь мнѣ виновнаго... берегись... я прикажу дворецкому дать тебѣ 25 лозановъ; смотри же, ты знаешь, онъ шутить не любитъ... что ты тамъ бормочешь... говори вслухъ...

— Я хотѣлъ сказать, господинъ,... отвѣ-

чалъ Себастіанъ со слезами, если въ нынѣшнюю ночь ничего новаго не появится на картинахъ этихъ господъ, если все останется по прежнему...

— Тогда другое дѣло... вмѣсто 25 лозановъ, тебѣ будетъ 30-ть... помни же это... Теперь за работу, господа.

Ученики усѣлись по мѣстамъ и во все продолженіе класса хранили глубокое молчаніе; Мурилло высоко цѣнилъ искусство, которому онъ былъ обязанъ славою и блестящимъ положеніемъ въ свѣтѣ и не позволялъ ученикамъ своимъ, во время занятія, говорить о чемъ нибудь, кромѣ живописи.

III.

Когда Мурилло вышелъ изъ мастерской, ученики какъ будто ожили. Въ присутствіи учителя они казались мертвыми; безъ него же всѣ вдругъ зашумѣли. Предметомъ разговора ихъ въ эту минуту были тѣ прелестныя го-

ловки, которыя, казалось, разцвѣтали по утрамъ и исчезали ночью, оставляя мѣсто свое другимъ.

Какъ скоро дверь мастерской затворилась за учителемъ и шумъ шаговъ его исчезъ въ коридорѣ, Виллавичемiо спросилъ Себастiана: почему же ты не сказалъ учителю, что фигурки эти рисуетъ по ночамъ Зомби?

— Потому что за этотъ отвѣтъ мнѣ были бы розги, Г. Виллавичемiо, отвѣчалъ Себастiанъ, у котораго тоже теперь развязался языкъ.

— А! розги!... Ты не отдѣлаешься отъ нихъ. Завтра утромъ и Зомби тебѣ не поможетъ; закричалъ Мендесъ.

— Не шутите съ Зомби, сказалъ Себастiанъ, притворяясь испуганнымъ, онъ отомститъ вамъ за насмѣшки; посмотрите, какъ онъ оттянулъ руку одной изъ фигуръ на вашей картинѣ. Это его штуки.

— Себастiанъ правъ, Мендесъ, замѣтилъ Раба, — наклонившись къ мольберту своего сосѣда: — эта рука, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ длинна... разскажи намъ, Себастiанъ, что такое Зомби?

— Да, да, разскажи! закричали вдругъ нѣсколько голосовъ.

— Я никогда не видалъ его, господа, отвѣчалъ Себастіанъ; но отецъ мой, который то же не видалъ его, слышалъ отъ своего дѣдушки, что Зомби — мертвецъ, злой духъ, что онъ по ночамъ является на землю и всегда за чѣмъ нибудь дурнымъ.

— Желалъ бы я днемъ дѣлать такъ дурно, какъ онъ ночью... сказалъ Тобаръ... Подай мнѣ неаполитанскую желчь, Себастіанъ.

— Да у васъ и такъ во всемъ желтый цвѣтъ, Г. Тобаръ, отвѣчалъ Мулатъ...

— А я, Себастіанъ, каково пишу? спросилъ Хевесъ.

— Вы — другое, сударь: у васъ вездѣ синій цвѣтъ; вода синяя, деревья синія, луга синіе... Вы нарочно, что ли, дѣлаете ихъ синими?

— Совсѣмъ не нарочно; отвѣчалъ Хевесъ.

— А я думалъ, нарочно!... сказалъ Себастіанъ.

— Этотъ маленькій невольникъ, замѣтилъ Раба, по виду глуповатъ, а на дѣлѣ хитеръ, какъ обезьяна.

— Да, вѣдь, негры изъ породы обезьянъ, сказалъ Виллавичеміо.

— Они похожи также и на попугаевъ, прибавилъ Тобаръ.

— Съ той разницей, возразилъ Раба, что попугаи болтаютъ вздоръ, а Себастіанъ дѣлаетъ замѣчанія основательныя и умныя.

— Да, вѣдь, и попугай можетъ сболтнуть невзначай что нибудь неглупое; замѣтилъ Тобаръ.

— Себастіанъ, что скажешь объ этой головкѣ? спросилъ Фернандесъ.

— Она не довольна кругла, сударь; отвѣчалъ Мулатъ: вы, вѣрно, не любите круглыхъ головокъ.

— А моя какова? спросилъ Суаресъ.

— О, сударь! Ваша — совсѣмъ плоская; какъ будто нарочно сдавлена.

При всякомъ замѣчаніи маленькаго Мулата ученики хохотали, но Раба сказалъ имъ:

Странно, господа: вы всѣ смѣетесь надъ Себастіаномъ, а между тѣмъ онъ такъ удачно и ловко критикуетъ наши недостатки, что всѣ мы стараемся, по возможности, дѣлать поправ-

ки по его указанію . . . Что касается до меня, я высоко цѣню его замѣчанія; повѣрьте, онъ знаетъ толкъ въ краскахъ.

— Конечно; вѣдь не даромъ же я растираю ихъ; сказалъ Себастіанъ. Насмѣшки не производили никакого впечатлѣнія на молодаго Мулата, но онъ краснѣлъ отъ похвалы; наказанія, или выговора онъ не пугался, а между тѣмъ всякое ласковое слово наполняло душу его умиленіемъ и признательностію.

— И о рисункѣ ты тоже имѣешь понятія; сказалъ Виллавичемію.

— О! я только что повторяю вамъ слова учителя; отвѣчалъ Себастіанъ съ притворнымъ простодушіемъ; да и что такое я? Обезьяна!. Попугай . . . Нѣтъ, хуже. . . я невольникъ! Послѣднія слова, произнесенныя имъ съ выраженіемъ грусти, глубоко тронули учениковъ, не смотря на всю безпечность и веселость, столько свойственную ихъ возрасту.

— Прощай, Себастіанъ, сказалъ Раба, дружески щипнувъ его за ухо; смотри, лови Зомби; не то берегись. . . .

— Лови Зомби, или берегись . . . повторялъ

каждый ученикъ, выходя изъ мастерской; прощай, Себастіанъ; счастливаго успѣха;—кланяйся отъ меня Зомби.

IV.

Зомби, Зомби! повторялъ Себастіанъ, смотря вслѣдъ за послѣднимъ ученикомъ, выходившимъ изъ мастерской... Боже мой, Боже мой, сжалься надо мною!

По уходѣ учениковъ Мулатъ принялся убирать мастерскую; между тѣмъ смерклось; онъ затеплилъ лампу и убѣдившись, что никто за нимъ не присматриваетъ, подошелъ къ мольберту Виллавичеміо, обернулъ картину и сталъ внимательно разсматривать головку Мадонны, такъ чудесно появившуюся на полотнѣ. Глаза и всѣ черты лица невольника, до сихъ поръ безжизненныя, вдругъ одушевились. Учитель сказалъ: я самъ не постыдился бы подписать подъ нею свое имя!... шепталъ про себя

Мулатъ . . . и онъ погрузился въ думу; какой-то благоговѣйный, святой восторгъ наполнилъ его душу.

Долго стоялъ онъ передъ картиною; мысль его была далеко; вдругъ кто-то положилъ ему руку на плечо; онъ вскрикнулъ отъ испуга.

Себастіанъ, произнесъ дрожащій голосъ.

— Батюшка! отвѣчалъ Мулатъ, увидѣвъ за собою стараго, высокаго негра.

— Что ты дѣлаешь тутъ, сынъ?

— Ничего, батюшка; смотрю на картину.

— Себастіанъ, сказалъ старый негръ, взглянувъ на сына съ какимъ-то лихорадочнымъ безпокойствомъ: — я слышалъ, что говорили ученики, выходя изъ мастерской; ты не будешь спать?

— Да, не буду, батюшка.

— А Зомби! сказалъ старый негръ, смотря съ ужасомъ въ глубь обширной мастерской, куда не достигалъ слабый свѣтъ лампы.

— Я не боюсь его, батюшка; сказалъ Себастіанъ съ улыбкою простодушнаго невѣрія.

— О! не шути имъ, сынъ, продолжалъ старый негръ, у котораго отъ страха дрожали

колѣни ; — не смѣйся... Ну, если онъ тебя унесетъ ?... Скажи, что будетъ тогда съ старымъ Гомесомъ ?... Я останусь здѣсь съ тобой, сынъ : хоть мнѣ и страшно, но это ничего; пусть унесетъ онъ насъ обоихъ.

— Добрый батюшка , сказалъ молодой Мулатъ, Зомби не существуетъ: это старый предразсудокъ нашей родины... Отецъ Амвросій, который часто здѣсь бываетъ, говорилъ тебѣ объ этомъ; надобно вѣрить ему; онъ человѣкъ святой; онъ не солжетъ.

— А эти фигуры, сынъ? Эта головка Мадонны, которая всѣхъ удивила сегодня, и о которой самъ учитель говорилъ за столомъ господину Озоріо и другимъ гостямъ... кто нарисовалъ ее, если не Зомби ?

— Послѣ узнаешь, батюшка; теперь оставь меня.

— Что ни говори, сынъ, а я тебя не оставлю; ты для меня все; у бѣлыхъ людей есть дома, деньги... они свободны... Ты родился невольникомъ, дитя мое, и не понимаешь, что значитъ свобода; но я... я... былъ нѣкогда воленъ, Себастіанъ.

— Ты правъ, отецъ; неволя ужасна! сказалъ Мулатъ, заливаясь слезами.

— Да, ужасно... повторилъ старый негръ, ужасно... жить безъ всякой надежды разорвать когда нибудь оковы... особенно твои, Себастіанъ.

— Батюшка, сказалъ молодой Мулатъ, поднявъ руку къ стеклянному куполу мастерской, сквозь который видны были звѣзды; — тамъ, на небѣ есть Богъ; онъ всѣмъ отецъ. и негру, и бѣлому, и господину, и невольнику... молись Ему: Онъ исполнитъ твою молитву.

— Развѣ какимъ нибудь чудомъ...

— Богъ можетъ творить чудеса.

— Увы, сынъ мой, теперь нѣтъ чудесъ.

— Какъ знать? Отчаяніе большой грѣхъ, говорилъ мнѣ отецъ Амвросій... Ступай, батюшка, ложись спокойно; ступай, спи; оставь меня одного; я не дитя; мнѣ уже 15 лѣтъ; прощай, отецъ!.

— Прощай, сынъ... да возвратитъ тебѣ Богъ свободу!!

— Сперва тебѣ, отецъ... я... я родился рабомъ, я привыкъ къ неволѣ... прощай.

— Прощай, сказалъ старый негръ, съ усиліемъ покидая сына.

V.

Себастіанъ вспрыгнулъ отъ радости, когда остался одинъ; но, потомъ одумавшись, сказалъ самъ себѣ:

Боже мой! Накажутъ, если я не признаюсь, накажутъ, если завтра не будетъ новыхъ фигуръ на картинахъ; быть можетъ, также накажутъ, если догадаются, кто виноватъ... Да, все это были мечты!... Бѣдный невольникъ! Лучше стереть всѣ эти фигуры и впередъ не рисовать... Боже мой! сонъ меня клонитъ; прибавилъ онъ, зѣвая... Помолюсь: Богъ поможетъ мнѣ выпутаться изъ бѣды.

Себастіанъ сталъ на колѣни, но сонъ вскорѣ одолѣлъ его; прислонившись къ одной изъ мраморныхъ колоннъ, онъ крѣпко заснулъ.

Начинало свѣтать; Себастіанъ проснулся, часы въ монастырѣ Св. Франциска пробили три; Мулатъ вскочилъ.

Вставай, лѣнтяй, вставай! говорилъ онъ самъ себѣ, протирая сонные глаза. У тебя еще три часа впереди; три часа ты самъ себѣ господинъ; пользуйся ими, невольникъ... Теперь дѣлай, что хочешь. . . Три часа. . . не много времени!

Мулатъ подошелъ къ мольберту Виллавичеміо. — Сперва сотремъ всѣ эти фигуры! сказалъ про себя Себастіанъ, взявъ кисть и обмокнувъ ее въ масло; потомъ онъ открылъ головку Мадонны; озаренная полусвѣтомъ, она казалась еще прелестнѣе. . Стереть ее... они, при всѣхъ своихъ насмѣшкахъ, не рѣшились на это... а я... я уничтожу ее... нѣтъ, лучше, быть наказану, даже убиту... эта головка живая, она дышетъ. . . говоритъ. . . Боже мой! стереть ее,—это просто убійство... дай лучше окончу.

Съ этими словами Себастіанъ схватилъ палитру, наложилъ на нее краски и принялся за работу.

— Впрочемъ, если надобно будетъ стереть, я успѣю до прихода учениковъ... Волосы у нея не довольно волнисты... надобно поправить; здѣсь побольше тѣни; эта линія слишкомъ рѣзка... и даетъ лицу грубость... Мадонна въ молящемся положеніи: — уста должны быть полуоткрыты... О! Боже мой, теперь она какъ будто дышитъ... глядитъ на меня... Божественное лице ея одушевляется; я слышу вздохъ, вырывающійся изъ груди ея... О! Святая Дѣва! ...

Между тѣмъ взошло солнце; лучи его, проникая въ мастерскую, обливали сіяніемъ всѣ предметы, въ ней находившіеся; Себастіанъ забылъ за работой и поздній часъ утра, и свое невольничество, и наказаніе, которымъ грозили ему накапунѣ. Молодой артистъ, котораго талантъ развился во время пребыванія у Мурилло, ничего не видалъ, кромѣ головки Мадонны, которая улыбалась ему съ невыразимою кротостію и прелестію... Онъ перенесся мечтою на небо; вдругъ шумъ шаговъ и знакомые голоса разсѣяли его мечты; онъ опять очутился на землѣ...

VI.

Себастіанъ, не оборачиваясь, догадался, что за нимъ стоитъ Мурилло и ученики его. Пораженный удивленіемъ и страхомъ, онъ не смѣлъ вымолвить слова и въ эту минуту желалъ, что бы земля разступилась подъ нимъ. Бѣдный невольникъ опустилъ голову и держа въ одной рукѣ палитру, а въ другой кисти, съ тоскою въ душѣ, ждалъ наказанія.

Всѣ молчали. Себастіанъ, пойманный на дѣлѣ, стоялъ, какъ окаменѣлый; Мурилло и ученики его, съ своей стороны, были не менѣе удивлены.

Молодые художники, конечно, не замедлили бы выразить удивленіе свое, съ живостію, свойственною ихъ возрасту, но Мурилло далъ имъ знакъ молчать и важно подошелъ къ своему невольнику, стараясь скрыть подъ строгою наружностію волненіе, произведенное въ немъ открытіемъ такого таланта.

— Себастіанъ, кто училъ тебя живописи?

— Вы, господинъ, отвѣчалъ невольникъ дрожащимъ голосомъ.

— Но я никогда не давалъ тебѣ уроковъ, другъ мой, возразилъ удивленный Мурилло.

— Вы учили другихъ при мнѣ... а я слушалъ... отвѣчалъ Себастіанъ, ободренный ласковымъ голосомъ учителя.

— И ты воспользовался моими уроками? прибавилъ еще Мурилло.

— Простите... вѣдь вы мнѣ не запрещали этого, отвѣчалъ Себастіанъ.

Мурилло продолжалъ съ живостію:

Клянусь всѣми святыми, ни одинъ изъ учениковъ не воспользовался моими уроками съ такимъ успѣхомъ, какъ ты... Когда ты работалъ?

— По утру, господинъ.

— Въ которомъ же часу?... Ученики обыкновенно собираются въ шесть.

— Отъ трехъ до пяти, господинъ... Сего дня я забылся.

Мурилло улыбнулся.

— А развѣ ты не помнишь, что я обѣщалъ тебѣ вчера? сказалъ онъ Себастіану.

— Съ бѣднымъ невольникомъ сдѣлалось дурно; онъ поблѣднѣлъ и задрожалъ.

О, синьоръ Мурилло, закричали въ одинъ голосъ ученики; простите Себастіана.

— Простить его мало, онъ заслуживаетъ не наказаніе, а награжденіе.

— Награжденіе . . . повторилъ Себастіанъ, робко взглянувъ на своего господина, и у него навернулись слезы.

— Да, Себастіанъ... ласково сказалъ Мурилло, ты стоишь награжденія за эту головку Мадонны и за всѣ фигуры, которыя появлялись на картинахъ моихъ учениковъ: за постоянство, съ которымъ ты преодолѣвалъ множество трудностей, за проведенныя тобою безъ сна часы отдохновенія; за вниманіе къ моимъ наставленіямъ... нѣтъ, другъ мой, не наказаніе, а награжденіе заслуживаешь ты... скажи мнѣ, чего ты желаешь?

Себастіанъ, не понимая самъ, во снѣ ли все это происходитъ, или на яву, поминутно смотрѣлъ то на своего господина, то на улыбаю-

щіяся лица учениковъ; потомъ онъ ощупывалъ самого себя, какъ бы желая удостовѣриться, точно ли о немъ идетъ дѣло.

Не робѣй, Себастіанъ, сказалъ ему на ухо Виллавичеміо: учитель доволенъ тобой, проси чего хочешь... червонецъ, совсѣмъ новенькій... Навѣрное, синьоръ Мурилло не откажетъ тебѣ.

— Червонецъ! сказалъ Раба... По крайней мѣрѣ, десять...

— Двадцать! сказалъ Гаспаръ; я знаю своего отца... онъ дастъ и двадцать.

— Ты очень щедръ на мои деньги, Гаспаръ, сказалъ Мурилло, но я на все соглашаюсь... Что жъ ты молчишь, Себастіанъ? Всѣ кромѣ тебя говорятъ; отвѣчай, другъ мой! Великій артистъ внимательно смотрѣлъ на своего невольника, на котораго слова учениковъ не производили, казалось, никакого впечатлѣнія... Доволенъ ли ты будешъ этой наградой?... Да, говори же... я восхищенъ твоимъ рисункомъ, твоимъ колоритомъ, наконецъ этой головкой Мадонны, исполненной небеснаго выраженія и творчества... я сдѣлаю для тебя все, что могу.

Въ углу мастерской послышались рыданія; всѣ оборотились въ ту сторону... Старый негръ Гомесъ заливался слезами.

Ты свободенъ, Гомесъ; сказалъ Мурилло, подавая ему руку.

— О! вся моя жизнь принадлежитъ вамъ, отвѣчалъ негръ, падая на колѣни.

— Добрый мой господинъ, добрый мой господинъ... вотъ все, что могъ произнести Себастіанъ.

— Себастіанъ, сказалъ Мурилло, кисть твоя показываетъ въ тебѣ генія, а теперешняя просьба доказываетъ, что ты человѣкъ съ душею... слѣдственно, художникъ вполнѣ... съ нынѣшняго дня ты мой ученикъ.

— Вашъ ученикъ, о!... этого слишкомъ много, вскричалъ Себастіанъ, я, сынъ негра, Мулатъ, невольникъ, буду вашимъ ученикомъ!..

— Предъ Богомъ нѣтъ ни негровъ, ни Мулатовъ, ни рабовъ, отвѣчалъ тронутый Мурилло, мы всѣ равны передъ Нимъ... Пусть будетъ такъ и у меня.

— Но... Эти господа... сказалъ Себастіанъ, робко взглянувъ на учениковъ.

— Мы очень рады имѣть тебя товарищемъ, отвѣчали ему въ одинъ голосъ ученики.

А меня считай своимъ братомъ, прибавилъ Гаспаръ, пожимая руку Себастіану.

— Хорошо, Гаспаръ, хорошо, сказалъ Мурилло; потомъ, оборотившись къ молодому Мулату, прибавилъ: Гаспаръ назвалъ тебя братомъ, а я, Себастіанъ, назову тебя сыномъ моимъ... Счастливъ Мурилло: у меня есть дѣло лучше моихъ картинъ, я открылъ художника... Твое имя перейдетъ къ потомству вмѣстѣ съ моимъ; слава наша будетъ общею; я хочу, чтобы потомство, вспоминая о тебѣ, называло Гомеса негромъ Мурилло.

Дѣйствительно, Себастіанъ Гомесъ сдѣлался въ послѣдствіи однимъ изъ величайшихъ живописцевъ; Мурилло усыновилъ его, женилъ и оставилъ ему въ наслѣдство часть своего состоянія.

Себастіанъ Гомесъ пережилъ Мурилло только нѣсколькими годами: онъ умеръ въ 1789, или, какъ иные утверждаютъ, въ 1790 году.

АНТОНІЙ ВАТТО.

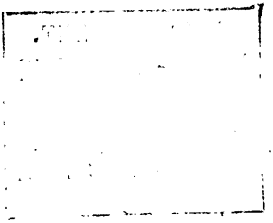
I.

Въ мартѣ 1698 года, послѣ полудня, мужчина среднихъ лѣтъ, платье котораго, покрытое известкой, показывало, что онъ кровельщикъ, возвратившись съ работы, садился за столъ; жена его, дородная женщина, поставила передъ нимъ миску съ супомъ.

— А гдѣ же нашъ Антоній, спросила она у мужа?—Развѣ его нѣтъ дома? сказалъ кровельщикъ.

— То-то и дѣло, что нѣтъ; иначе я не стала бы и спрашивать тебя, Ватто; живо возразила толстая женщина.

Ну . . . ну . . . Бабинетта . . . не сердись, ска-



залъ кровельщикъ, наливая себѣ супъ.—Если сына нѣтъ здѣсь, такъ онъ гдѣ нибудь еще...

— Смотрите: какъ онъ хладнокровно говоритъ объ этомъ, перервала Бабинетта, сложивъ крестообразно руки; ѣстъ себѣ супъ... дуетъ на него... какъ будто...

— Какъ будто онъ горячъ; да онъ и въ самомъ дѣлѣ горячъ, сказалъ кровельщикъ.

— Какъ будто Антоній и не сынъ ему; закричала въ досадѣ жена.

— Я не говорю, что онъ мнѣ чужой, отвѣчалъ кровельщикъ, котораго спокойствіе составляло рѣзкую противоположность съ раздражительностію его жены.

— Такъ почему же ты такъ мало заботишься о немъ?...

— Потому что городъ нашъ не великъ.

Заплутаться въ немъ нельзя, ... добрая моя Бабинетта.

— Если Антоній не пропалъ, ты долженъ нать, Ватто, гдѣ онъ...

— Знаю, да не совсѣмъ, Бабинетта.

— Съ нѣкотораго времени, вы оба что-то скрываете отъ меня; во всемъ у васъ какая-то

тайна... Говорите намеками... улыбаетесь... сынъ выходитъ изъ дому съ тобой, а возвращается одинъ... Ну что ты выпучилъ на меня свои глаза?

— Другихъ глазъ у меня нѣтъ, и смотрѣть мнѣ на тебя болѣе нечѣмъ, прервалъ мужъ, продолжая спокойно ѣсть.

— Да, я знаю... меня трудно обмануть.

— Но о чемъ ты толкуешь? Клянусь тебѣ...

— Ты смѣешься надо мной, Ватто; но я не позволю надъ собой смѣяться.

— И я этого никому не позволю, жена, отвѣчалъ кровельщикъ; и раздѣлаюсь, съ кѣмъ бы то ни было.

— Такъ не начинай же этого самъ.

— Сохрани Богъ, жена.

— Ну скажи мнѣ, Ватто, продолжала Бабинетта, садясь противъ мужа: гдѣ Антоній? или нѣтъ, лучше не говори... солжешь... что ты смѣешься?... Дуракъ!

Да какъ же не смѣяться? То скажи, гдѣ сынъ; то, нѣтъ, не говори; ну что на это отвѣчать, Бабинетта?—Правда; я точно помѣшалась, отвѣчала Бабинетта, разсмѣявшись; но вѣдь я

такъ люблю Антонія, и мысль, что оба вы скрываете отъ меня что-то...

— Да что намъ скрывать отъ тебя, любезная жена? ласково сказалъ кровельщикъ.

— Вотъ что: съ нѣкотораго времени Антоній возвращается домой всегда очень опрятнымъ...

Въ этомъ еще ничего дурнаго нѣтъ, сказалъ Ватто; значитъ Антоній не пачкается дорогой.

— Нѣтъ, это значитъ, что онъ не работаетъ на крышѣ, прибавила Бабинетта, показывая видъ, что не замѣчаетъ насмѣшки мужа.—Ну такъ видно онъ работаетъ подъ крышей, сказалъ кровельщикъ.

— Его дѣло быть не подъ крышей, а на крышѣ, перебила Бабинетта; притомъ же... такъ и быть... выскажу все, что у меня на сердцѣ... я увѣрена, совершенно увѣрена, что Антоній, не бываетъ съ тобою на постройкѣ у мѣщанина Миллота... Я, если хочешь, знаю даже, гдѣ Антоній.

— Если знаешь, зачѣмъ же спрашиваешь? казалъ кровельщикъ, вставъ изъ за стола и

собираясь идти. Затѣмъ... затѣмъ... да куда же ты идешь? спросила Бабинетта, заслонивъ мужу дорогу... Я впрочемъ знаю куда... ты тоже безпокоишься объ отсутствіи Антонія, хоть и не хочешь показать этого... ты идешь за нимъ... но вотъ онъ самъ, прибавила она; ну, слава Богу. И дѣйствительно, вошелъ въ комнату мальчикъ высокій ростомъ, блѣдный, худощавый, бѣлокурый.

II.

Письмо, батюшка! сказалъ Антоній.—Здравствуйте, матушка.—Здравствуй; откуда ты? что это за письмо? кто принесъ его? спрашивала Бабинетта.

— Прикащикъ Г. Римберта; отвѣчалъ Антоній.

— Кружевнаго фабриканта, у котораго живетъ твоя сестра?... Ахъ, Боже мой, не случилось ли съ ней чего нибудь?... вскричала Г-жа Ватто!

О, ничего! отвѣчалъ Антоній; прикащикъ сказывалъ мнѣ, что она здорова и по прежнему первая мастерица на фабрикѣ.

— Тѣмъ лучше; сказала мать... Странно, но мнѣ всегда какъ-то непріятно получать письма...

— Ты всего пугаешься, добрая моя Бабинетта; сказалъ Ватто, ласково взявъ ее за руку.

— Прочти поскорѣе письмо, Антоній; послѣ мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— Дай мнѣ сказать нѣсколько словъ, Бабинетта; помнишь, какъ я съ тобой спорилъ, когда надобно было учить Антонія грамотѣ? О! у насъ съ тобой много было споровъ; всего не припомнишь.

— Начнемъ хоть...

«Въ первый разъ мы спорили, Ватто, въ самый день рожденія Антонія, въ воскресенье, 1684 года, зимой... ужасная зима была!...

—Ты была тогда больна, слаба; малютка нашъ едва дышалъ; я не хотѣлъ, чтобъ ты сама кормила его и потому уговорилъ тебя взять кормилицу добрую и здоровую деревенскую

женщину... это полезно было вамъ обоимъ... Посмотрись въ зеркало, Бабинетта, и скажи, не правъ ли я былъ?

На этотъ разъ ты былъ правъ, Ватто; но во всѣхъ другихъ случаяхъ...

Постой, постой, Бабинетта! Когда Антоніо было шесть лѣтъ, и я хотѣлъ отдать его въ школу учиться грамотѣ: что ты тогда говорила?...

Что ему не нужна грамота; я и теперь это скажу: мать его не грамотная, отецъ тоже, родители наши, дѣды и прадѣды не умѣли ни читать, ни писать, а, вѣдь, прожили вѣкъ.

—Хорошо, Бабинетта, положимъ, что Антоній не умѣетъ читать, положимъ, что Римбертъ пишетъ о нашей Магдалинѣ что нибудь такое, чего не должны знать посторонніе, чего мы съ тобой должны стыдиться; не зная грамотѣ, надобно просить кого нибудь изъ сосѣдей прочесть письмо, хоть, напримѣръ, золотыхъ дѣлъ мастера Пилле; онъ болтунъ, пойдетъ вездѣ разглашать и то, и другое; а Антоній свой, если въ письмѣ и есть что нибудь непріятное, онъ никому не разскажетъ.

— А если непріятнаго ничего нѣтъ.

— Дай Богъ!—Читай, сынъ, сказалъ Ватто съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Антоній распечаталъ письмо; оно начиналось такъ:

Яковъ Римбертъ, фабрикантъ Валенсіенской кружевной фабрики, господину Ватто, кровельщику.

Валенсіенъ, 10-го марта 1698 года.

«Дочь ваша Магдалина, лучшая мастерица на моей фабрикѣ...»

— Это самое и прикащикъ говорилъ Антонію. сказала Бабинетта, прерывая чтеніе.

— Дай же кончить, сказалъ мужъ.

Антоній продолжалъ:

«Она тоже самая умная, самая старательная, «самая послушная изъ всѣхъ моихъ работницъ; «сынъ мой Карлъ, зная все это, также какъ «я, также, какъ всѣ другіе, захотѣлъ женить«ся на ней...»

— Жениться! прервала еще разъ Ватто; жениться! Магдалина будетъ за Римбертовымъ сыномъ, самымъ богатымъ фабрикантомъ въ Валенсіенѣ... О! я не спѣсива, я даю свое

согласіе, и ты тоже, Ватто... и ты, Антоній...,
такъ же?

— Дѣло идетъ не о согласіи, матушка, сказалъ Антоній; который успѣлъ, между тѣмъ, пробѣжать глазами письмо; выслушайте конецъ...

Отецъ и мать замолчали.

Антоній продолжалъ:

«Но я долженъ сказать вамъ, что не могу «согласиться на такой бракъ не по тому, что «Магдалина дочь кровельщика,... я безъ пред«разсудковъ... въ моихъ глазахъ всѣ званія «хороши, а званіе кровельщика также почтен«но, какъ и другія; но дѣло вотъ въ чемъ: «по моему, въ мірѣ есть два рода людей: люди «съ деньгами, и люди безъ денегъ. Я не го«ворю, что первые почтеннѣе въ глазахъ мо«ихъ и что бѣдныхъ должно презирать; но «лучше имѣть дѣло съ богатыми; когда мнѣ «встрѣтятся двѣ дороги, я выбираю лучшую;— «лучшей дорогой считается та, которая глаже; «лучшими людьми тѣ, у которыхъ больше де«негъ... Вотъ почему я прошу васъ, Г. Ватто, «взять отъ меня вашу дочь и не позволять сыну «моему видѣться съ нею; онъ со временемъ

«забудетъ ее; а я сыщу для сына невѣсту бога-
«тую; — это не трудно; — а для фабрики такую
«же хорошую мастерицу, что, признаюсь вамъ,
«не совсѣмъ легко.

«Примите искреннее мое сожалѣніе, Г. Ват-
«то, что вы небогаче теперешняго; прошу
«васъ поклониться отъ меня вашей супругѣ.
«Засимъ честь имѣю быть, какъ обыкновенно
«пишется, незнаю, право, почему, въ концѣ
«всякаго письма, съ глубочайшимъ почтеніемъ
«вашъ покорнѣйшій слуга: Яковъ Римберъ.«

— Вотъ наглецъ! сказалъ Ватто, когда Ан-
тоній дочелъ письмо... Бѣдная моя Магдали-
на! — прибавилъ онъ, послѣ минутнаго мол-
чанія.

Бабинетта задыхалась отъ гнѣва во время
чтенія письма; въ продолженіе нѣсколькихъ
минутъ она не могла выговорить ни слова,
наконецъ, вспыльчивость ея взяла верхъ, и
она закричала:

А! по мнѣнію этого господина люди быва-
ютъ двухъ разрядовъ: богатые и бѣдные...
ты, Ватто, ты можешъ доказать, что есть тре-
тій разрядъ... именно такіе, у которыхъ хо-

рошіе кулаки и которые умѣютъ раздѣлываться съ...

Во первыхъ, жена, мои кулаки не годятся для драки, сказалъ Ватто; я слабаго сложенія и хилъ... притомъ же, бить человѣка, сынъ котораго хочетъ жениться на нашей дочери, это плохое средство пристроить Магдалину. Что ты тамъ смотришь въ письмо, Антоній? Развѣ ты не все дочелъ, спросилъ отецъ у мальчика, который, казалось, о чемъ-то размышлялъ.

— Въ письмѣ есть приписка...

— А что въ этой припискѣ? спросила мать.

— Вотъ видите: не надобно терять надежды; если сестра любитъ молодаго Римберта, дѣло можно еще уладить; послушайте.

«Впрочемъ, разсудивъ, что дочь ваша хорошая мастерица и что, по этому, половина «приданаго у нея въ пальцахъ, вотъ чего я «требую отъ васъ на счетъ другой половины... «бездѣлицы, какъ вы увидите сами, и на этомъ «условіи, отъ котораго впрочемъ никакъ не «отступлюсь, я охотно назову Магдалину своей «дочерью... я же и люблю ее, какъ дочь...

«Вы отдадите ей послѣ вашей смерти, домъ, «въ которомъ теперь живете; но въ ожиданіи «этого... что быть можетъ, случится не скоро...»

Надѣюсь, что не скоро! прервала Г-жа Ватто; я совсѣмъ не чувствую охоты заглянуть въ подземное царство кротовъ... Говорить о нашей смерти... видано ли это?... Какой невѣжа, этотъ Римбертъ!

— Въ свадебныхъ контрактахъ всегда такъ говорится, жена, кротко отвѣчалъ Ватто, не надобно сердиться на Римберта... онъ сказалъ это не по злости; такъ ужъ всегда водится у нотаріусовъ.

— Ну, пусть; продолжай Антоній; я послѣ скажу еще кой-что. «... Что, можетъ быть «случится не скоро... вы будете мнѣ платить «ежегодно 30 червонцевъ за квартиру, которую «дочь ваша будетъ занимать въ моемъ домѣ.»

Все ли? сказала Г-жа Ватто съ нетерпѣніемъ.

— Все, отвѣчалъ Антоній; требованіе Римберта на счетъ дома, кажется мнѣ удобоисполнимымъ.

— Но, вѣдь, онъ хочетъ, что бы весь домъ былъ отданъ ей; развѣ ты не понялъ этого?

— Совершенно понялъ, матушка; пусть возьметъ себѣ весь домъ.

— А ты. . . а ты, Антоній, развѣ не сынъ намъ? Развѣ ты не стоишь любви нашей? Развѣ мы можемъ лишить тебя наслѣдства, дитя мое, сказала мать, цѣлуя сына въ голову?

— Я мужчина, матушка, отвѣчалъ Антоній и если, какъ говоритъ Римбертъ, половина приданаго дѣвушки въ ея пальцахъ, то состояніе мужчины въ головѣ и въ умѣньи. . . Я только хочу, что бъ вы меня любили и этой любви не уступлю никому въ свѣтѣ, прибавилъ онъ.

— Хорошо, хорошо, сынъ! сказалъ Ватто со слезами.

А! тебѣ это нравится? возразила Г-жа Ватто мужу; отдать весь домъ дочери, тогда какъ онъ принадлежитъ сыну.

— Почему же мнѣ? спросилъ Антоній.

Ты одинъ сынъ у насъ, и слѣдственно старшій въ семействѣ... этого требуетъ справедливость, прибавила Г-жа Ватто, видя удивленіе на лицѣ Антонія.

— Скажите — законъ, а не справедливость, матушка; отвѣчалъ Антоній; и если домъ

принадлежитъ мнѣ, такъ я имѣю право отдать его сестрѣ.

— А ты причемъ же останешься?

Обо мнѣ не безпокойтесь, матушка.

— О немъ не заботься, жена.

— Не заботься! ребенокъ такой слабый! онъ только что и можетъ чистить платье.

Онъ чиститъ кой что другое, жена... Будь покойна, сказалъ кровельщикъ, потирая руки.

— А что онъ дѣлаетъ? ну, чиститъ башмаки... оно и видно... они всегда у него вылощены... точно, какъ у нашего добраго Короля Лудовика XIII.

— Нѣтъ, не то, жена, сказалъ Ватто.

Увидя, что отецъ и сынъ обмѣнялись взглядами, мать закричала:

Да что все это значитъ? Развѣ я лишняя здѣсь? Развѣ у васъ есть отъ меня тайны?

— Какія тайны! сынъ зоветъ меня гулять, и мы съ нимъ хотимъ потолковать о предложеніи Римберта; сказалъ Ватто.

Пожалуй, ступайте, да не поздно возвращайтесь. Они ушли; черезъ четверть часа послышался стукъ въ двери.

Ужели они вернулись? сказала Ватто; — не случилось ли съ ними чего нибудь? И она отперла дверь.

III.

Передъ ней стоялъ мужчина высокаго роста, весь въ черномъ,—что придавало его наружности прекрасный, но вмѣстѣ съ тѣмъ странный видъ.

Здѣсь живетъ Г. Ватто, спросилъ незнакомецъ, вѣжливо поклонясь хозяйкѣ.

— Здѣсь, М. Г. Что вамъ угодно? Я жена его.

— Дома ли онъ?

— Нѣтъ, вышелъ.

А сынъ его?

— Сынъ? повторила Г-жа Ватто, удивленная такимъ неожиданнымъ вопросомъ.

— Да, сынъ его, Антоній Ватто, сказалъ незнакомецъ.

— Онъ пошелъ съ отцемъ . . . но позвольте узнать, какую нужду имѣете вы до него?

— Я сей часъ все объясню вамъ; отвѣчалъ незнакомецъ, входя съ хозяйкою въ комнату.

— Я видѣлъ, сударыня, работу вашего сына, сказалъ незнакомецъ, садясь на стулъ.

— Работу! . . .

Незнакомецъ, посмотрѣвъ на нее, продолжалъ:

— Да, у Ванъ-Геймса.

— Я не знала, что сынъ мой работаетъ у него на дровяномъ дворѣ.

— Въ его мастерской? хотите вы сказать.

— Какъ вамъ угодно; дѣло не въ названіи; отвѣчала Г-жа Ватто.

— И признаюсь вамъ, сударыня, я очарованъ былъ произведеніемъ вашего сына.

— А я все думала, что сынъ мой ничего не дѣлаетъ.

— Какъ ничего? Да онъ превзошелъ своего учителя.

— Своего учителя!... повторила Г-жа Ватто съ улыбкою недовѣрчивости . . . О! М. Г. позвольте не согласиться съ вами въ этомъ: учитель моего сына — его отецъ.

— Я думалъ, что Г. Ватто, мужъ вашъ, кровельщикъ.

— Ну, да, онъ кровельщикъ и есть.

— Въ такомъ случаѣ, онъ не живописецъ, сударыня.

— Я и не говорю, что онъ живописецъ.

— Извините; мы не совсѣмъ понимаемъ другъ друга... Выслушайте меня... я Целестинъ Морень, декораторъ Парижской Оперы.

— Ахъ! Вы Парижанинъ? сказала Г-жа Ватто, питавшая особенное уваженіе къ Парижу.

— Нѣтъ, я изъ Авиньона... Это однакожъ не мѣшаетъ мнѣ быть декораторомъ Парижской Оперы.

Г-жа Ватто смотрѣла на своего гостя, не понимая, къ чему все это клонится.

Целестинъ Морень продолжалъ:

Давно ужъ я знакомъ былъ въ Авиньонѣ съ живописцемъ Ванъ-Геймсомъ, добрымъ молодымъ человѣкомъ; онъ не великій художникъ, рисуетъ плохо, не довольно свѣдущъ въ перспективѣ...

— А! сказала Г-жа Ватто, не понимая декоратора.

— Вы можете представить себѣ, сударыня, продолжалъ Морень, какъ я удивился, когда встрѣтилъ въ Валенсіенѣ своего соотечественника; онъ здѣсь даетъ уроки рисованья и пишетъ портреты... Осматривая его мастерскую, я случайно взглянулъ на прелестную картинку, представляющую внутренность комнатъ. Это вѣрно не твоя работа, сказалъ я Ванъ-Геймсу; нѣтъ, отвѣчалъ онъ, одного изъ моихъ учениковъ. И онъ назвалъ мнѣ вашего сына.

— Вы ошибаетесь, сударь, отвѣчала жена кровельщика: сынъ мой занимается тѣмъ же, чѣмъ и отецъ его: онъ кровельщикъ.

— Значитъ у васъ есть однофамильцы въ Валенсіенѣ.

— Не думаю, сударь.

— Странно; когда я любовался картинкой, Ванъ-Геймсъ сказалъ мнѣ: это работа мальчика необыкновеннаго: онъ мой ученикъ, но пишетъ лучше меня, и я не только не поправляю его работы, но часто совѣтуюсь съ нимъ... На вопросъ мой: какъ зовутъ молодаго артиста, онъ отвѣчалъ: Антоній Ватто.

— Такъ дѣйствительно зовутъ моего сына, отвѣчала Г-жа Ватто, но онъ не живописецъ, слава Богу; правда, ему хотѣлось учиться рисовать, но я не позволила . . . я настояла на своемъ . . . отецъ принялъ было сторону сына . . . если у Антонія есть охота къ этому ремеслу, говорилъ онъ, зачѣмъ мѣшать . . . Быть живописцемъ хорошо . . . лучше, чѣмъ кровельщикомъ; да я этого и слышать не хотѣла; лучше, или хуже, но сынъ мой будетъ кровельщикомъ; сказала я: по моему и сдѣлалось.

— Я видно въ самомъ дѣлѣ обманулся; позвольте пожелать вамъ доброй ночи, сударыня, сказалъ Морень, вставая съ мѣста.

— Провожая гостя, Г-жа Ватто спросила его: позвольте узнать, для чего вамъ нуженъ этотъ Антоній Ватто?

— Я хотѣлъ, сударыня, предложить ему очень выгодное мѣсто: быть моимъ помощникомъ; онъ вмѣстѣ со мною сталъ бы писать декораціи; я далъ бы ему столъ, квартиру и жалованья сто червонцевъ въ годъ.

— Сто червонцевъ! Вы дали бы ему сто червонцевъ! вскричала Г-жа Ватто . . . Ахъ, какое прекрасное мѣсто . . . Боже мой! вотъ мнѣ теперь и жаль . . . но къ чему говорить объ этомъ ?. . . Прощайте, сударь! Если бы сынъ мой былъ живописецъ, сказала про себя огорченная мать . . . мы были бы такъ счастливы . . . Антоній, навѣрное, платилъ бы за сестру 30 червонцевъ ежегодно, и этотъ негодный фабрикантъ позволилъ бы сыну своему жениться на ней . . . Ахъ, Боже мой! ну кто знаетъ, чего желать, или не желать въ этомъ мірѣ: вчера я думала то, а нынче другое. . .

Г-жа Ватто цѣлый часъ размышляла о томъ, что она выиграла бы, еслибъ сынъ ея былъ тотъ Ватто, котораго искалъ парижскій декораторъ. Вдругъ она услышала голосъ мужа.

IV.

О, другъ мой! сказала она, встрѣчая мужа, — меня надобно прибить, согнать со двора. Я дурная мать; во мнѣ нѣтъ ни капли здраваго смысла; ты будешь меня проклинать, да и сынъ тоже... Бѣдный Антоній! онъ такъ добръ, что быть можетъ и не станетъ ненавидѣть меня, но въ душѣ, навѣрное... да и я сама никогда не прощу себѣ этого... вообрази, сей часъ только вышелъ отсюда одинъ человѣкъ... Но на этотъ разъ краснорѣчію ея нельзя было развернуться: она увидѣла позади мужа того, о комъ собиралась было разсказывать; впрочемъ не теряя присутствія духа, она продолжала:

Человѣкъ... извините... вотъ этотъ господинъ... хотѣлъ предложить, перервалъ ее Ватто, ученику Ванъ-Геймса столъ, квартиру и сто червонцевъ жалованья...

— Какъ, ты это знаешь? спросила съ удивленіемъ жена.

— Помнишь ли Бабинетта...

— Знаю напередъ, что ты скажешь, Ватто, но и въ этомъ случаѣ ты не долженъ былъ слушаться меня, какъ не послушался, когда я не хотѣла учить сына грамотѣ...

— Ну, а если я, тайкомъ отъ тебя, позволилъ Антонію ходить къ живописцу... если этотъ живописецъ Ванъ-Геймсъ, если картина, которая такъ понравилась Г. Целестину Морену, написана дѣйствительно сыномъ нашимъ и если наконецъ...

— О, я была бы счастливѣйшая изъ матерей! сказала съ чувствомъ Г-жа Ватто.

—И вы не стали бы сердиться на меня за то, что я ношу платье и сапоги, вычищенные какъ у Короля, сказалъ сынъ, и за то, что кромѣ платья чищу полотно для картинъ? Вотъ видите ли: я могу дать теперь приданое сестрѣ.

О! я знала, что ты сдѣлаешь это... сказала мать.

— И такъ мировая, сказалъ отецъ.

— И полное счастіе, прибавила мать.

— А для меня находка: я беру Антонія съ собой въ Парижъ, сказалъ Целестинъ Моренъ.

— Разстаться съ сыномъ! закричала Г-жа Ватто, уцѣпившись за Антонія, какъ будто его хотѣли увести насильно.

— Что же дѣлать, матушка? со слезами сказалъ Антоній, нѣтъ счастія безъ горя.

— Богъ съ нимъ, съ этимъ счастіемъ! я не хочу его; отвѣчала Г-жа Ватто.

— Послушай, другъ мой: ласково сказалъ мужъ; мы должны любить дѣтей не для себя, а для нихъ; вотъ Г. Целестинъ Морсвь, человѣкъ ученый и знающій, хочетъ взять сына нашего въ Парижъ. Ты помнишь, какъ Антоній въ долгіе зимніе вечера, бывало, разсказывалъ намъ о художникахъ, которые почти всѣ были дѣти бѣдныхъ родителей, но черезъ терпѣніе, талантъ, прилежаніе сдѣлались великими людьми... Ну скажи: развѣ тебѣ не весело будетъ, когда Антоній, возвратившись къ намъ лѣтъ черезъ десять, пойдетъ, напримѣръ, прогуливаться съ тобой по городу; всѣ станутъ говорить: посмотрите на этого прекрасно одѣтаго молодаго человѣка, который

идетъ съ дамой; это Антоній Ватто, великій художникъ; отецъ его кровельщикъ, но онъ... онъ человѣкъ знаменитый... здѣшній уроженецъ... Ну что? Каково это, Бабинетта?

Убѣжденія-ли мужа подѣйствовали на Г-жу Ватто, или мысль, что отъѣзду сына нельзя уже воспрепятствовать, но она рѣшилась разстаться съ нимъ. Дочь ихъ вышла за мужъ за молодаго Римберта, предложенія котораго приняты были родителями Магдалины.

Антоній отправился въ Парижъ съ Целестиномъ Моренемъ и подъ его руководствомъ писалъ декораціи для Парижской Оперы. Черезъ нѣсколько времени Морень, замѣщенный другимъ художникомъ, принужденъ былъ оставить Парижъ, и Антоній остался одинъ; ему было тогда 17 лѣтъ. Онъ не успѣлъ еще пріобрѣсти извѣстности, но при всемъ томъ, не желая возвратиться на родину, долженъ былъ подобно Лантару рисовать эстампы и картины за 20, 15, а часто и за 6 франковъ.

V.

Однажды случилось, что онъ не могъ продать своей картины даже и за 6 франковъ: двое купцевъ отказались; третьему Антоній долго не рѣшался предложить... наконецъ вошелъ къ нему въ магазинъ; съ купцемъ разговаривалъ какой-то молодой человѣкъ. Антоній остановился у дверей и повертывалъ въ рукахъ картину; мысль получить отказъ въ присутствіи незнакомца приводила его въ замѣшательство; купецъ спросилъ у него:

Что вамъ надобно молодой человѣкъ? Антоній долженъ былъ подойти. Онъ подалъ картину и пробормоталъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ можно было догадаться, что молодой художникъ желаетъ продать свою работу.

А! эта картина продается?.. Вы, молодой человѣкъ, художникъ! сказалъ купецъ, едва

взглянувъ на картину, но за то пристально осматривая Антонія.

— Да, М. Г., отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ до ушей?

— Ваше имя? спросилъ купецъ.

— Мое имя ничѣмъ не извѣстно, отвѣчалъ Антоній съ чувствомъ оскорбленной гордости... но, мнѣ кажется, по одному этому нельзя судить о моей картинѣ.

— Нельзя однакоже и купить ее, если вы не пользуетесь извѣстностію, —грубо возразилъ купецъ.

— Я вамъ и не навязываю ее, отвѣчалъ Антоній, протягивая руку за картиной.

— Извините, молодой человѣкъ, сказалъ незнакомецъ, который во все это время молчалъ.., я не много знаю толкъ въ живописи...

— Не много! Г. Клавдій Жилло! ... произнесъ купецъ, которому пріятно было показать, что онъ знакомъ съ такимъ извѣстнымъ человѣкомъ.

Смущеніе Антонія еще усилилось, когда при немъ произнесли имя, пользовавшееся въ то время нѣкоторою славою.

Клавдій Жилло, родившійся въ 1673 году, въ Лангрѣ, пріобрѣлъ талантомъ своимъ и извѣстность, и хорошее состояніе. Будучи ученикомъ Жанъ-Батиста Корнеля, онъ мастерски писалъ гротески: его фавны, сатиры и разныя сцены для оперы считались въ то время неподражаемыми; онъ умеръ въ Парижѣ въ 1722-мъ году; въ описываемую нами эпоху, т. е. въ 1702-мъ, ему было 29 лѣтъ отъ роду.

— Который вамъ годъ? спросилъ Клавдій Жилло, посматривая то на картину, то на артиста.

— Семнадцать лѣтъ, отвѣчалъ Антоній.

— Кто вашъ учитель?

Молодой Ватто разсказалъ подробно, какъ онъ началъ заниматься живописью, зачѣмъ пріѣхалъ въ Парижъ и какъ живетъ въ немъ.

И вы продаете эту картину?.. спросилъ Клавдій Жилло.

— Да, М. Г., грустно отвѣчалъ Антоній, я прошу за нее только два ефимка, да и тѣхъ никто не дастъ.

Два ефимка! я вамъ заплачу 50-ть, сказалъ

Клавдій, презрительно взглянувъ на хозяина лавки.

— Вы не подумали, Г. Жилло, сказалъ купецъ, что этотъ молодой человѣкъ не извѣстенъ.

Но у него есть талантъ, отвѣчалъ Клавдій, а извѣстность придетъ въ свою очередь... и я отвѣчаю вамъ за то, что въ скоромъ времени онъ прославится. Молодой человѣкъ! прибавилъ онъ, обратясь къ Антонію; картина эта очень мнѣ нравится... Ваша одежда, ваша молодость... застѣнчивость... ничтожная цѣна, которую вы назначили за это произведеніе, — все доказываетъ, что вы бѣдны... какъ старшій по лѣтамъ, какъ собратъ по искусству, я долженъ помочь вамъ; переѣзжайте ко мнѣ, будьте моимъ братомъ, другомъ...

Ватто принялъ предложеніе и вскорѣ не только сравнялся съ своимъ учителемъ, но превзошелъ его. Черезъ нѣсколько времени Жилло помѣстилъ Антонія къ Клавдію Одро, который жилъ тогда въ Луксанбургѣ. Ватто писалъ подъ его руководствомъ, и имѣя случай часто видѣть картины Рубенса, онъ изучилъ въ созданіяхъ великаго художника оча-

ровательный колоритъ и изящество рисунка. Въ это время Ватто представилъ одну изъ картинъ своихъ въ Академію и получилъ первую награду; въ этомъ произведеніи видны уже слѣды вдохновенія, которое въ послѣдствіи его не оставляло.

Но состояніе молодаго художника отъ этого не поправилось; онъ оставилъ Парижъ и провелъ нѣсколько времени посреди своего семейства, гдѣ написалъ двѣ картины и выставилъ ихъ въ Луврской галереѣ, черезъ которую обыкновенно проходятъ члены Академіи.

Знаменитый Карлъ Лафоссъ жилъ тогда въ Парижѣ. Этотъ художникъ, сынъ ювелира, родился въ 1640 году; въ дѣтствѣ онъ обнаружилъ такую склонность къ живописи, что отецъ помѣстилъ его къ Лебрёну; въ короткое время онъ оказалъ необыкновенные успѣхи, получилъ пенсіонъ отъ Короля и отправленъ былъ въ Италію. По возвращеніи, ему дали мѣсто директора въ Академіи живописи; проходя случайно черезъ галерею, онъ замѣтилъ двѣ картины Ватто, спросилъ объ имени артиста и изъявилъ желаніе познакомиться съ

нимъ. Антоній явился. Чего вы желаете, молодой человѣкъ? спросилъ у него Лафоссъ. —Пробыть нѣсколько времени въ Италіи, чтобъ усовершенствоваться въ живописи, —отвѣчалъ Антоній. Усовершенствоваться! сказалъ Лафоссъ; но вы пишете лучше насъ всѣхъ и можете сдѣлать честь нашей Академіи; проситесь въ члены, мы васъ примемъ.

Дѣйствительно, Антоній былъ принятъ въ Академію по большинству голосовъ.

Въ 1720 году Ватто ѣздилъ въ Англію, но тамошній климатъ оказался для него вреднымъ и онъ возвратился въ Парижъ. Ему совѣтовали жить въ деревнѣ. Онъ поселился въ Ногентѣ, близъ Парижа, гдѣ и умеръ въ 1721 году, 37 лѣтъ отъ роду.

GS
SS
EB

JAN 23 1962